

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Историко-филологический факультет
ПИ им. В. Г. Белинского

Кафедра «История России, краеведение и
методика преподавания истории»

Направление подготовки

44.03.01 – Педагогическое образование

Профиль

История

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

**«Российское общество в условиях войны с Японией. 1904-1905гг.
(на примере Пензенского края)»**

Студент

(подпись, дата)

**Цветков Магомед
Александрович**

Научный руководитель

(подпись, дата)

Сухова О. А.

Нормоконтролёр

(подпись, дата)

Сухова О. А.

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 16.05.2017 № 10)

Заведующий кафедрой

(подпись, дата)

Кондрашин В. В.

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

(подпись, дата)

Кузьмина Т. Н.

Пенза, 2017

Содержание

Введение.....	3-11
Глава 1. Российская империя в начале XX века.....	12-45
§1. Социально-экономическое положение страны в начале XX века.....	12-19
§2. Социально-экономическое развитие Пензенской губернии накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.....	20-28
§3. Нарастание кризисных явлений в социально- политической сфере.....	29-37
§4. Оппозиционное движение в провинции (на примере Пензенской губернии).....	38-45
Глава 2. Провинциальное общество в условиях русско-японской войны.....	44-85
§1. Стратегия правящих кругов по созданию образа войны.....	44-53
§2. Отношение провинциального общества к военному конфликту.....	53-59
§3. Русско-японская война в освещении периодических изданий Пензенской губернии.....	59-66
§4. Формирование образа Японии и японцев в общественном сознании	66-72
§5. Империалистическая война как угроза социально-политической стабильности.....	72-82
Глава 3. Практическое применение ВКР в образовательной организации.....	83-94
Заключение.....	95-98
Список использованных источников и литературы.....	99-102

Введение

Актуальность темы. Русско-японская война 1904-1905 гг. с самого начала привлекла к себе пристальное внимание исследователей. Однако из всех возможных аспектов конфликта больше всего «повезло» военному и политическому, а проблема его влияния на общественное сознание России осталась на периферии научного анализа. Актуальность исследования общественного сознания, общественного мнения периода Русско-японской войны состоит в том, что оно позволяет глубже и полнее уяснить особенности ведения боевых действий со стороны Российской империи и итоги противостояния. Реакция общества на военный конфликт нового непривычного формата до сих пор остается слабо изученной, хотя он сыграл важную роль в вызревании революции.

Русско-японская война интересна как пролог к революции 1905-1907 гг., для которой явилась «репетицией» дальнейшего пути России. То, что в малой форме продемонстрировала война, потом повторится через восемь лет, когда Россия втянется в Первую мировую.

В период Русско-японской войны со стороны правящих кругов была впервые предпринята широкомасштабная попытка целенаправленного формирования общественного мнения. Крах стратегии «маленькой победоносной войны» сыграл роковую роль в восприятии власти как таковой. Вызвав патриотический подъем в стране в начале Русско-японской войны, правительство не только не смогло использовать благосклонность общества для укрепления своего авторитета, но бездарным ведением войны ускорило радикализацию общественных настроений и ввергло Россию в революцию.

Население, проживавшее вне столичных центров, составляло провинциальное общество. Как основная часть российского общества оно имело общие черты со столичным, но в то же время, характеризовалось определенными особенностями: несколько иным социальным составом, укладом жизни и менталитетом. Современные исследователи считают, что

«провинциальное общество» представляло собой сегмент российского социума, обладавший особенностями, свойственными тому или иному региону страны.

Тема влияния Русско-японской войны на общество взята нами применительно к Пензенской губернии. Будучи частью Российской империи, Пенза в целом оказалась в русле тех же идейных течений, что и вся остальная страна. Анализ основных форм проявления общественного мнения в Пензенской губернии позволяет выявить те аспекты в восприятии обществом войны, которые обычно оказываются обойденными исследователями. В частности, это позволяет объяснить, почему война, ставшая полностью непопулярной, тем не менее, продолжала оставаться народной по своему характеру.

Объектом исследования в работе является общественное сознание провинциального общества в начале XX века. **Предметом** исследования выступает отражение Русско-японской войны 1904-1905 гг. в сознании российской провинции, прежде всего как фактор выбора определенных стратегий поведения.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала XX в. и до осени 1905 г. Это время являлось переломным для российского общества. Необходимо пояснить, каково было развитие российской провинции в начале XX века – экономика, социальные отношения, др. Это поможет понять, как складывалось и почему менялось отношение населения к войне.

Данный период характеризуется активным развитием капиталистических элементов экономики, изменениями в социальной структуре общества, когда сословность постепенно теряет свое значение в экономической и общественной жизни страны. Между тем продолжают сохраняться многочисленные феодальные пережитки, что впоследствии приводит к социальному взрыву. Начало военных действий с Японией 27 января 1904 г. вызвало отклик во всех слоях населения, нашло отражение в позиции политических партий и деятельности общественных организаций.

Подписание Портсмутского мирного договора 23 августа 1905 г. переключило внимание общества на события внутри страны, на революцию.

Территориальные рамки исследования в общих чертах охватывают всю территорию Российской империи. Однако основное внимание в работе уделено Пензенской губернии в границах начала XX века (Пензенский, Городищенский, Саранский, Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Керенский, Нижнеломовский, Чембарский и Мокшанский уезды).

Степень изученности проблемы. В целом отечественная историография Русско-японской войны 1904-1905 гг. включает в себя три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Для первого было характерно сосредоточение внимания на военных и прикладных аспектах конфликта. Можно отметить работы отдельных русских военачальников, в том числе главнокомандующего Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина¹, а также иностранных военных наблюдателей и советников как при русской, так и при японской армиях, носящих мемуарный характер. В них даны некоторые аспекты влияния военных действий на общественное сознание. В качестве причин поражения называются, в том числе, причины «идейного плана»: непопулярность войны в России, «забитость» и «неразвитость» русского солдата, пагубное воздействие отсутствия критики на положение дел на театре войны и т.д. Среди специальных работ, посвященных вопросу влияния войны на общественное сознание, выделяются исследование Г. Е. Шумкова² и К. И. Дружинина³. Они посвящены изучению психологического восприятия конфликта русскими солдатами и офицерами, эволюции их отношения к войне.

Для второго этапа характерна идеологизированная проблематика, подчеркивание империалистического характера войны, классовый подход; в отношении изучения общественного сознания изучаемого события

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: итоги войны. СПб., 2002.

² Шумков Г.Е. Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-японской войны 1904-1905 гг. (Военно-психологические этюды). 1905.

³ Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904-1905 гг. СПб., 1910.

характерно отсутствие альтернатив, сведение проблемы его формирования и проявления к деятельности РСДРП. В публикациях Д. М. Позднеева¹, А. Л. Сидорова², П. Быкова³, И. И. Бабикова⁴, Е. М. Ярославского⁵ упор делался на исследование империалистических планов и идеологий противоборствующих сторон, большое внимание уделялось отношению к войне со стороны большевистской партии.

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. история русско-японской войны стала освещаться более интенсивно. Среди работ выделяется исследование ее истории сотрудниками Института военной истории МО СССР, опубликованной под редакцией И. И. Ростунова⁶, монография о русской армии и флоте Л. Г. Бескровного⁷. Однако, несмотря на то, что в них содержался ценный статистический материал, раскрывались многие аспекты создания оборонного комплекса страны, по-прежнему незначительно были освещены вопросы влияния войны на общественное сознание.

В отношении социально-экономического положения России и губернии в н. XX в., можно отметить следующие работы: «Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции» М. С. Симоновой и др. Наиболее подробные материалы о Пензенской губернии содержит монография А. Кузьмина «Крестьянское движение в Пензенский губернии в 1905-1907 гг.», однако, следует учитывать, что анализ данных в монографии осуществляется с точки зрения классового подхода⁸.

В постсоветский период развития отечественной историографии произошло расширение предмета исследования, возникли альтернативные точки зрения как на историю конфликта в целом, так и на ее отдельные аспекты, в том числе и на отношение к ней различных слоев русского

¹ Позднеев Д. М. Япония: военно-экономическое описание. М., 1924

² Сидоров А. Л. Русско-японская война. М., 1951.

³ Быков П. Русско-японская война, 1904-1905 гг. Действия на море. М., 1942.

⁴ Бабилов И. И. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1958.

⁵ Ярославский Е. М. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939.

⁶ История русско-японской войны / под ред. И.И. Ростунова. М., 1977.

⁷ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.

⁸ Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987; Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенский губернии в 1905-1907 гг., Пенза. 1955.

общества. Появилось огромное количество статей, посвященных русскому флоту в годы Русско-японской войны, в том числе и по прикладным аспектам.

По мнению А. И. Уткина, власть не сумела объяснить народу, ради чего Россия сражается, что с самого начала вызвало «разброд и шатание», как в обществе, так и в военной элите¹.

С точки зрения А. Ю. Шушкевича, в начале войны наблюдалось совпадение интересов бюрократии с народной мечтой, попытка России завоевать Манчжурию отвечала ее реальным интересам. Для успешного продолжения войны, по мнению автора, нужно было объявить Манчжурию территорией Российской империи, сделать ее в глазах народа «своей»².

Характерно, что в современной историографии данной проблемы большое внимание уделяется ее психологическим и социологическим аспектам. В частности, в исследовании В. В. Серебрянникова анализируется воздействие войн на общество, отношение его к ним на разных этапах развития³. В работе Е. С. Сеньявской анализируются факторы, способствовавшие формированию «образа врага» в России накануне Русско-японской войны и эволюция этого образа в ее ходе⁴.

Особо следует выделить научные работы, непосредственно посвященные теме информационного обеспечения русско-японской войны, анализу выявления общественного мнения – А.О. Буранок, Э.А. Воробьевой, Е.В. Степочкиной, А.А. Черкасова, А.А. Гаврикова, А.С. Маренкова, Е.А. Гладкой, Л.В. Жуковой, Е.А. Смирновой, С.С. Шерстнева, В.В. Фролов и др.⁵

¹ Уткин А. И. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005.

² Шушкевич Ю.А. Восточный шанс. Русско-японская война 1904-1905 гг. в ретроспективе исторического выбора. М., 2005.

³ Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997.

⁴ Сеньявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

⁵ Хвостова Л.А. Русско-японский конфликт (1904-1905): краткая характеристика отечественной историографии проблемы // Научный альманах. 2015. №10-4 (12). С. 293-296.

Так, например, В.В. Фролов¹ в своей статье рассматривает и анализирует реакцию мирового сообщества на события русско-японской войны 1904–1905 гг. В качестве источниковой базы его исследования выступает отечественное печатное периодическое издание «Летопись войны с Японией», которое издавалось в России на протяжении всего военного конфликта.

Эти работы охватывают, прежде всего, столичные и дальневосточные территории, отчасти, Верхнее Поволжье, оставляя, вне поля зрения другие российские регионы. К последним исследовательский интерес только возрастает.

Таким образом, за последние два десятилетия произошли существенные сдвиги в освещении Русско-японской войны 1904-1905 гг., исследователи наконец-то обратились к теме ее воздействия на общественное сознание. Однако механизмы этого воздействия изучены еще недостаточно.

В отношении историографии истории пензенского общества во время войны следует сказать, что этот вопрос изучен недостаточно, конкретно-исторических работ нет, или они посвящены рассмотрению других аспектов Русско-японской войны. В частности, в статьях В. Вержбовского², В. А. Ломшина³ большое внимание уделено подвигу пензенского солдата, роли благотворительных организаций во время войны.

Если же представить изучение данной проблематики как целостный этап, то можно констатировать разрозненный, фрагментарный характер большинства исследований. Тем не менее, важно подчеркнуть, что анализ рассмотренных работ способствовал созданию надежного теоретического и методического фундамента, позволил систематизировать научные представления и структурировать фактический материал, чётче определить цель и задачи исследования.

¹ Фролов В. В. Отношение мирового сообщества к русско-японской войне 1904–1905 гг. по данным военного журнала «Летопись войны с Японией» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 266 -270. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65124.htm>.

² Вержбовский В. Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Молодой Ленинец. 2000. № 7.

³ Ломшин В. А. Русско-японская война и мордовский край в 1904-1905 гг. // Центр и периферия. 2010. № 3.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить изменения в провинциальном обществе Пензенской губернии, произошедшие под влиянием Русско-японской войны 1904-1905 гг.

В связи с поставленной целью в дипломной работе решаются следующие **задачи**:

- проанализировать социально-экономическое положение Российской империи и Пензенской губернии в начале XX века;
- исследовать кризисные явления в социально-политической сфере в данный период;
- проанализировать стратегию правящих кругов по созданию образа конфликта, выделить основные способы формирования общественного мнения;
- рассмотреть «образ врага» в общественном сознании провинциального населения России, специфику восприятия Японии и японцев;
- проследить динамику и особенности изменения общественного мнения в период войны;
- проанализировать состояние провинциального общества во время русско-японской войны, выяснить отношение населения губернии к войне.

Источниковая база исследования. В работе были использованы разнообразные источники, они помогли комплексно представить картину общественных настроений в губернии.

К числу опубликованных источников, использованных в работе, можно отнести местную периодику, в частности «Пензенские губернские ведомости» за 1904 г. Здесь представлен материал о пожертвованиях пензенского общества на нужды войны, также в них публиковались списки погибших. В целом, несмотря на откровенно официозный характер, «Ведомости» являлись важным источником информации о войне для населения, а в настоящее время представляют огромную ценность для исследователя, изучающего периодику того времени.

Методологическую основу работы составляют принципы историзма и научной объективности, требующие выявления причинно-следственных связей, рассмотрения процессов и событий в развитии, анализа всего комплекса доступных для исследования источников и литературы. Применение принципа историзма позволило провести последовательный анализ общественных настроений в течение всего хода русско-японской войны, исследовать отношение общества к военным событиям в социально-экономических, политических и культурных условиях начала XX в.

Основополагающим является также принцип объективности, требующий анализа всей совокупности доступных для исследования источников и литературы. При написании дипломной работы применялись логический и комплексно-исторический метод, специально-исторические методы (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический). Применение проблемно-хронологического метода позволило выявить изменение общественных настроений на протяжении всей войны. Сравнительно-исторический метод помог сопоставить настроения в различных слоях населения губернии, позиций политических партий и движений, а также выявить региональную специфику общественного сознания.

Научная новизна исследования. В работе на основе широкого корпуса источников и с использованием новейшей методологии и методов исторических исследований предпринимается попытка анализа отражения Русско-японской войны и предшествовавшего ей внутривластного курса в общественном сознании российской провинции. Это позволило выйти на новый уровень обобщения материала, объединив результаты научных исследований, посвящённых отдельным аспектам и временным отрезкам развития. Научная новизна заключается также в оригинальном ракурсе рассмотрения проблемы, малоизученном в историографии. Особо следует отметить региональный срез проблемы, представленный в и позволяющий

эффективно решать важнейшие исследовательские задачи на уровне микро- и макроистории.

Научно-практическая значимость заключается в возможности использования материалов работы в преподавании истории в средних общеобразовательных учреждениях, при подготовке к аудиторным занятиям и в рамках самостоятельной работы студентов.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, девяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Российская империя в начале XX века

§1. Социально-экономическое положение страны накануне Русско-японской войны 1904-1905 гг.

В административном отношении Россия в начале XX века делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. В составе Российской империи с 1809 г. находилось и Великое княжество Финляндское, главой которого был российский император, и которое имело широкую внутреннюю автономию: собственное правительство, внутреннюю таможенную, свою денежную единицу. Губернии делились на уезды, а области – на округа. Уезд являлся низшей административной единицей. В конце XIX в. земское управление было введено в 34 губерниях, а в остальных районах делами местного хозяйства ведали правительственные органы¹.

В начале XX века преобладающей отраслью экономики России было сельское хозяйство. В нём были заметны некоторые успехи: увеличивался рост посевных площадей, стали шире использоваться современные машины, улучшалась агротехника, развивалась районная специализация. Зерновыми районами становились Черноземный центр, юг Украины и Поволжье; на молочном скотоводстве специализировались Северо-Запад и центрально-промышленные губернии; мясное скотоводство развивалось в юго-восточных губерниях; в Нечерноземной полосе выращивались технические культуры – лен, картофель, сахарная свекла. По общему объёму сельскохозяйственного производства Российская империя занимала первое место в мире². Ежегодно потребление машин и улучшенных орудий за 1895-1904 гг. увеличилось в 2,5 раза. На подъеме почвы использовались деревянные сохи и косули, железные

¹ Социально-экономическая история российской деревни к. 19- н.20 вв.: Сб. научных трудов/Отв. ред. В. Г.Тюкавкин, М. 1980. С.53.

² Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. (По материалам Поволжья). Самара. 1994. С.61.

плуги составляли треть сельскохозяйственных орудий. Стали появляться паровые плуги. Заметен был прогресс и в уборочной технике. Было задействовано 811 тыс. жатвенных машин, 200 тыс. сенокосилок, 550 тыс. конных и 27 тыс. паровых молотилок¹.

Тормозом в развитии отечественного земледелия оставалось отсутствие промышленного производства удобрений, их дороговизна. Минеральные удобрения использовались в большинстве помещичьих хозяйствах, около 20 % – в крестьянских. В среднем в России удобрений вносилось 6 кг на 1 га посева, в то время как во Франции – 58 кг, в Германии – 166 кг.

Главным условием развития сельского хозяйства в стране было наличие земли в хозяйстве. После земельной реформы у крестьян была наделная земля, но выкупать её в личное владение и приобретать новую большая часть крестьян не спешила. Между тем крестьянские семьи росли, из них выделялись новые дворы, вследствие этого наделы крестьян уменьшались. В начале XX в. из 14,7 млн. крестьянских дворов земельные наделы имели 12,3 млн. Нехватка земли стала общей бедой русского крестьянства в пореформенное время².

Следующим следствием крестьянской реформы стало расслоение крестьянства. Стали более четко проявляться бедность одних и богатство других. Главными критериями богатства были размер земельного надела и количество лошадей, рабочего скота. Признаком бедности считалось одна лошадь. К началу XX века около 60 % крестьян имели одну лошадь или вообще не имели ее, они относились к разряду бедняков, средних крестьян было чуть больше 30 %, земельный надел которых составлял от 9 до 20 десятин, и имели в хозяйстве 1-2 лошади³. Они вели небольшое хозяйство, слабо связанное с рынком, сами занимались местными и отхожими

¹ Есиков С.А. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в к. 19- н. 20 вв. (1880-е-1917 гг.)- СПб. 2008. С.123.

² Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века. Куйбышев, 1988. С.31.

³ Карнаухова Е.О. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860-1914 гг.) М. 1951. С. 67.

промыслами. Зажиточные составляли 10 % крестьянского населения, которые имели более 5-ти лошадей и надел более 20 десятин, они стремились к росту владения и скупали землю у малоземельных крестьян, значительная часть которых разорялась, голодала. Число малоземельных и земельных крестьян в деревне росло.

Реформаторы надеялись сохранить общину только первое время. После 1861 г. община сохранялась, получив статус сельского общества. Сохранялась общинная собственность на землю, переделы земельных наделов, круговая порука при выплате налогов и выполнения государственных повинностей. Экономическую основу общины составляли мероприятия по распределению и эксплуатации земельного надела. В качестве административной единицы община должна была выполнять налоговые и полицейские функции. Главными органами общинного управления были сельский сход и сельский староста. По существующему закону, на сельский сход должны были приходить только главы семейств, но зачастую родители посылали своих 15–17-летних сыновей¹. В общине существовали общие и частные переделы земли. Во многих местах община занималась вопросом севооборота, устанавливала сроки полевых работ.

Правительство считало, что по мере вовлечения крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения община будет отмирать сама собой². Но обезземеливание крестьян продолжалось, бедных крестьян появлялось всё больше, и неграмотные крестьяне отчётливо поняли для себя, что дальнейшее развитие капитализма в деревне готовит для них страшные перспективы: потерю земли, разорение, голод и смерть. И крестьяне стали всеми доступными средствами отстаивать сохранение общины, т.к. община гарантировала им социальную защиту: помогала выжить в неурожайные годы, обеспечивала социальное равенство, помогала выстоять против

¹ Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 42.

² Социально-экономическая история российской деревни к. 19- н.20 вв.: Сб.научных трудов/ Отв.ред. В. Г.Тюкавкин, М., 1980. С. 198.

произвола местных властей. В общине находили приют увеченные солдаты, сироты, вдовы.

После реформы проблема сохранения общины приобрела особо важное значение для основной массы крестьян, которая утвердилась во мнении, что земля должна находиться не в частности, а в коллективной собственности¹.

В 1897 г. в России была проведена первая всеобщая перепись населения. Проведение переписи было вызвано потребностями экономического развития и стало выдающимся событием в жизни страны.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. оно составляло 125 640 тыс. чел. (без Финляндии). В городах в год переписи населения проживало 16,7 млн. чел. или 13%. Свыше 1 млн. жителей насчитывали Петербург (1267 тыс. чел.) и Москва (1035 тыс. чел.). Происходила концентрация городского населения в наиболее крупных городах. Городское население увеличивалось в основном за счёт выходцев из деревни.

Средняя продолжительность жизни из-за высокой детской смертности в начале XX в. составила 33 года.

По сословному положению население России распределялось следующим образом:

99,8 млн. (81%) составляли крестьяне;

13,4 млн. чел. (10,7 %) – мещане;

1,7 млн. (1,5%) – потомственные и личные дворяне;

624 тыс. (0,5%) – купцы и почётные граждане;

589 тыс. (около 0,5%) – духовенство;

около 10 млн. (8%) – «прочие» («иногородцы», деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности)².

Дворянство оставалось главным привилегированным сословием. Дворяне по закону пользовались перед другими сословиями преимуществами при занятии гражданских и военных должностей. На рубеже XIX – XX вв. 75

¹ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980.

² Социально-экономическая история российской деревни к. 19 – н.20 вв.: Сб. научных трудов/ Отв.ред. В. Г.Тюкавкин, М., 1980. С.68.

% чиновничества и 90 % офицеров армии и флота составляли дворяне. Дворяне занимали все государственные посты.

Однако капитализм стал размывать многие традиционные социальные схемы, внедрял новые социальные институты, иную шкалу ценностей и приоритетов. Общественную значимость определяли уже не сословная принадлежность, а имущественное положение конкретного лица и род занятий. Капитализм разрушал сословную обособленность, и хотя сословное деление сохранялось вплоть до 1917 г., но в сфере частного предпринимательства оно уже мало что определяло¹.

По занятиям население распределилось следующим образом:

97 млн. (77,3%) населения было занято сельскохозяйственным производством;

21,7 млн. (17,2%) – в торговле и промышленности;

6,9 млн. чел. (5,5%) – «непроизводительное» население².

Таким образом, Россия продолжала оставаться страной с преобладанием сельского населения. Как известно, отмена крепостного права способствовала развитию капитализма и в деревне. Капиталистическое производство в деревне основывалось на передовой технике и небольшом числе работников. По мере развития капитализма в деревне там увеличивалось число «избыточного» населения. В 1897 г. оно составило 23 млн. чел. Обстановка в деревне становилась взрывоопасной³.

Важным социальным фактором в пореформенной России стало формирование промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. В пореформенную эпоху сформировались кадры постоянных рабочих, оторванных от земли и проживающих со своими семьями в крупных промышленных центрах. Увеличивался удельный вес потомственных

¹ Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. (По материалам Поволжья). Самара. 1994. С.63.

² Есиков С. А. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в к. 19 – н. 20 вв. (1880-е-1917 гг.) СПб., 2008. С. 89.

³ Смыков Ю. И., Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: социально-экономическое исследование./ Отв.рук. З. И. Гильманов. М.,1984. С. 39.

рабочих, отцы и деды которых работали на фабрике. В связи с ростом применения на фабриках женского труда в отход всё более вовлекались и женщины. Ядро пролетариата в пореформенную эпоху составляли наёмные рабочие в крупных промышленных заведениях и на железнодорожном транспорте. В 1894 г. численность рабочих крупных промышленных центров составила 1,5 млн. чел¹. Основным источником роста числа наёмных рабочих в разных отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, в сфере услуг был промышленный и сельскохозяйственный отход крестьян. Однако значительная часть рабочих всё ещё сохраняла связь с землёй, с деревней, где они были «приписаны» и где у многих находились их семьи. Ещё в 1880 – 1890-е гг. обычным явлением был уход рабочих с московских фабрик на летние сельские работы в деревню. Покидая деревню, крестьяне отрывались от нее, но не все могли найти себя в городе и оказывались в «подвешенном» состоянии – уже не деревенские, но пока не городские. К концу XIX в. более 10 млн. маргиналов бродили по стране в поисках работы. Этот особый слой российского общества писатель Г. И. Успенский назвал «сердитым нищенством» и отмечал, что эти люди отличались агрессивностью. Маргиналы представляли для общества определённую опасность, так как являлись питательной средой для возникновения преступности и радикализма².

Работа на капиталистических предприятиях оплачивалась скудно. Заработная плата зависела от региона и от отрасли промышленности. Наиболее высоко оценивался труд рабочих крупных промышленных предприятий Петербурга и Москвы. Например, при среднемесечном прожиточном минимуме семьи из 4 чел. в 25 руб., у машиностроителей Петербурга среднемесечная зарплата составила от 15 до 75 руб., в хлопчатобумажном производстве – от 12 до 50 руб. В остальных регионах

¹ Водарский Л. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972. С. 76.

² Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С.112.

заработная плата была ниже¹. Низкая техническая оснащённость многих промышленных предприятий, «перенаселённость» русской деревни в центральных районах, делавшее рабочую силу чрезвычайно дешёвой, не стимулировали предпринимателей улучшать жизненные условия своих рабочих. Хотя в начале XX века на многих промышленных предприятиях было произведено уменьшение рабочего дня с 13–14 до 9,5 – 10 час., была повышена заработная плата, на отдельных предприятиях уже существовала довольно развитая система социального и медицинского обеспечения, всё же жизненный уровень большинства российских рабочих был намного ниже западноевропейских².

Процесс формирования промышленной буржуазии начался ещё в дореформенную эпоху. Он выражался в том, что и из среды мелких товаропроизводителей выделялись торговцы и ростовщики. Накопив необходимый капитал, они затем вкладывали его в промышленное дело, становясь промышленниками-предпринимателями. Однако занявшись промышленным предпринимательством, они в то же время продолжали расширять и торговые операции. Соединение торгового капитала с промышленным – характерное явление для мануфактурной стадии промышленности. Предприниматель выступал здесь одновременно в роли купца и фабриканта. Впоследствии рост промышленного капитала и промышленной буржуазии был связан с переходом от мануфактуры к крупной машинной индустрии.

В 1904 г. по всей России была проделана работа по выявлению доходов населения. Выяснилось, что примерно 1 млн. населения в России относится к разряду обеспеченных. Сюда входили собственники обширных земельных владений, крупные коммерсанты, банкиры, верхи интеллигенции,

¹ Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: социально-экономическое исследование/ Отв.рук. З. И. Гильманов. М. 1984. С.76.

² Водарский Л. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М.: Наука, 1972. С. 78.

чиновничества, офицерского корпуса. Остальные являлись или относительно обеспеченными или откровенно неимущими¹.

Таким образом, Россия в тот период являлась страной со средним уровнем капиталистического развития, была аграрно-индустриальной страной, развивались промышленность, сельское хозяйство, банковское дело. Страна отставала по экономическому развитию, по уровню жизни своего населения от равных ей по политическому весу в тогдашнем мире индустриально развитых стран.

¹ Социально-экономическая история российской деревни к. 19- н.20 вв.: Сб.научных трудов/ Отв.ред. В. Г. Тюкавкин, М., 1980. С.97.

§ 2. Социально-экономическое развитие Пензенской губернии в начале XX века

Рассмотрение провинциального общества на примере Пензенской губернии целесообразно, поскольку Пензенская губерния, будучи типичной провинцией Европейской России, является своеобразным срезом Российского государства и общества.

Пензенская губерния в начале XX века имела преимущественно аграрное направление развития экономики, являясь типичным краем с преобладанием помещичьего землевладения. В административном отношении Пензенская губерния состояла из десяти уездов: Пензенского, Городищенского, Саранского, Инсарского, Краснослободского, Наровчатского, Керенского, Нижнеломовского, Чембарского и Мокшанского. Расположенная на стыке центрально-черноземной полосы и Поволжья, губерния имела благоприятные условия для ведения сельского хозяйства. Между тем экономика губернии в своем развитии значительно отставала от соседних, особенно от губерний промышленного центра.

По данным Всероссийской переписи 1897 года, в Пензенской губернии тогда проживало 1 470 474 человека. В 1905 году ее население возросло до 1 724 222 человека. В 1897 году в ней проживало 1 221 271 человек русских, 187 962 человека мордвы и 58 530 татар. То есть под влиянием развития капитализма происходил быстрый рост населения губернии, его характерной особенностью был многонациональный характер.

Основным занятием населения было сельское хозяйство. По данным Всероссийской переписи 1897 года, в городах Пензенской губернии находилось 9,5 % населения, а в сельских местностях – 90,5 %. Городское население состояло почти сплошь из русских¹.

Пензенская губерния принадлежала к числу оскудевающих губерний черноземного центра царской России. Причина бедственного положения

¹ Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905-1907 гг., Пенза, 1955. С.19.

трудящихся заключалась в наличии здесь крупного помещичьего землевладения, в крестьянском малоземелье, бесправном положении большей части населения. Однако пережитки феодально-крепостнических отношений сочетались с довольно быстрым развитием капитализма как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

По отчету пензенского губернатора за 1905 год, в губернии насчитывалось 5 845 предприятий с 21 435 рабочими (не считая более тысячи рабочих-железнодорожников). На каждую «фабрику» приходилось в среднем около 4-х рабочих. Наряду с мелкими существовали и крупные предприятия, обслуживавшиеся сотнями рабочих. К ним относились хрустальный завод князя Оболенского в Никольском Пестравке, суконные фабрики в Большой Луке Керенского уезда, Литвине Городищенского уезда, спичечные фабрики в Нижнем Ломове, Верхнем Ломове и Пензе, писчебумажная фабрика купца Сергеева и механический завод Кракк в Пензе и ряд других¹.

Ведущими отраслями промышленности являлись: винокуренная, суконная, писчебумажная, стекольно-хрустальная, спичечная. Эти предприятия являлись сравнительно крупными. На каждое из них приходилось по 122 рабочих. Мелкие заведения – мукомольные, салотопные, маслобойные, кожевенные, овчинные и т. п. предприятия обрабатывали в основном местное сельскохозяйственное сырье. Продукция их обслуживала преимущественно нужды населения губернии.

Около 80 % рабочих промышленности были местными крестьянами, не порвавшими связи со своими хозяйствами, рассматривавшими работу на предприятии как дополнительное средство получить приработок. Полностью порвавшие со своим хозяйством потомственные пролетарии составляли среди рабочих губернии примерно пятую часть².

¹ Пензенский край в XVII в. – 1917 г. Саратов, 1980. С.139.

² Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенский губернии в 1905–1907 гг., Пенза, 1955. С. 24.

Жилищные условия рабочих на предприятиях губерний были настолько неприглядны, что о них в 1905 году даже фабричный инспектор вынужден был доносить начальству так: «Рабочие на фабриках и заводах живут в помещениях, мало отличающихся по устройству от обыкновенных крестьянских изб. Срубы для помещений устраиваются неудовлетворительно. На срубы часто берется скверный лес. Вероятно, в силу этого обстоятельства в бревнах стен появляется такое множество щелей, что даже в тихую погоду пламя свечи, поднесенное к стене, колеблется, как при ветре. Эти избы холодны даже при хорошей топке печей...»¹.

Тяжело жилось рабочим-железнодорожникам. Ютились они в грязной казарме, где воздух постоянно был спертый, клопы и другие паразиты не давали рабочим покоя. Спали на полу. Мастер и другое начальство обращалось с рабочими грубо.

В городах для рабочих никакого жилищного строительства для рабочих не проводилось. Большой спрос на жилищную площадь содействовал взвинчиванию цен на нее.

С законом от 2 июля 1897 года, устанавливавшим 11,5-часовой рабочий день, фабриканты не считались. Рабочий день устраивали произвольно по 12-16 часов. На предприятиях губернии широко применялся женский и детский труд. На некоторых предприятиях количество малолетних превышало половину всех рабочих. Например, на спичечной фабрике Лошкарева в с. Тезикове Наровчатского уезда из 200 рабочих взрослых было только 50 человек, а остальные – малолетние и подростки. Эксплуатация женщин и детей носила жестокий характер. За одинаковую с мужчинами работу женщины и подростки получали меньшую заработную плату. На суконной фабрике Казеева в Б. Луке малолетние работали по 12 часов и получали за час за одну и ту же работу в два раза меньше взрослых².

¹ Культура, быт и материальное благосостояние рабочих Поволжья второй половины. XIX–XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Пенз. гос. ун-т. им. В. Г. Белинского; Отв. ред. Н. А. Шарошкин Пенза, 1996. С.77.

² Пензенский край в XVII в. – 1917 г. Саратов, 1980. С. 142.

Тот же фабричный инспектор, знакомый с вопросами труда и зарплаты в России, писал в 1904 году, что «заработная плата фабричным и заводским рабочим в Пензенской губернии ниже, нежели заработная плата рабочим в остальных губерниях Европейской России»¹. Часто вместо денег капиталисты выдавали рабочим продукты из своих фабричных лавок, обсчитывая их и наживаясь на сбыте бросовых товаров.

Средний заработок рабочего в Пензенском уезде составлял 50 коп. в день, месячный заработок – от 5 до 16 руб.

Для рабочих отсутствовала медицинская помощь. При заболевании трудящиеся платили за услуги. Поэтому подавляющему большинству рабочих медицинская помощь была недоступна. Женщины по беременности отпусками не пользовались, – часто рожали у станка, а на другой день после родов обязаны были явиться на работу. Часто матери брали грудных детей с собой на предприятие.

«В 1904 году у меня родился ребенок, – рассказывает работница Н.Лялина, – а муж незадолго перед этим умер; мне разрешили брать на работу ребенка. Я работала, а он находился около меня»².

Несмотря на тяжелые условия труда, рабочие создавали отличную продукцию, которая находила себе выгодный сбыт. Чудесные изделия Николо-Пестровского хрустального завода раскупались на европейских и азиатских рынках. Спички пензенских спичечных фабрик распространялись в Персии и Турции. Бумага, сделанная на фабрике Сергеева, на международных выставках 1900 года и 1908 года получила дважды золотую медаль.

Предприниматели гнались за максимальной прибылью, обрекая рабочих на непосильный труд и беспросветную нужду.

¹ Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. (По материалам Поволжья). Самара. 1994. С.69.

² Культура, быт и материальное благосостояние рабочих Поволжья второй половины. XIX–XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Пенз. гос. ун-т. им. В. Г. Белинского; Отв. ред. Н. А. Шарошкин Пенза, 1996. С. 62.

Еще хуже приходилось безработному. Мысль оказаться безработным постоянно преследовала рабочего. Он не был уверен в завтрашнем дне. Особенно неустойчиво складывалось положение у рабочих в периоды кризисов, каким явился кризис 1900–1904 годов. В эти годы тысячи семей рабочих в Пензенской губернии испытывали настоящее бедствие.

Не менее важным для рассмотрения является вопрос аграрных отношений и положения крестьянства. По данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (МВД), в 1905 году в Пензенской губернии учитывалось 3 418346 десятин земли. По основным категориям землевладения она распределялась так:

Земли в частной собственности – 1 264 091 десятина (37%)

Надельные земли – 1 814 031 десятина (53%)

Земли государства, церкви и др. – 340 224 десятины (10 %) ¹.

Первое место в частном землевладении принадлежало дворянам. В 1905 году в их руках сосредоточилось более 70 % всей частной земельной собственности. За дворянами следовали купцы, державшие более 12 % земель этого фонда; затем – крестьяне, владевшие 10,5 % земель и т. д. Характерным стало постепенное уменьшение дворянского землевладения².

Невыносимые условия, в которых находились крестьяне, вынуждены были порой признавать даже высокие царские чиновники. Так, пензенский губернатор И. Ф. Кошко писал, что в Пензенской губернии «наделы крестьян крайне малы, сплошь и рядом мужики сидели на дарственных наделах и могли существовать, лишь арендуя землю у помещиков и уплачивая очень высокую плату».

Земли, полученные крестьянами от помещиков в 1861 году, несомненно, были хуже качеством, чем земли помещиков. Об этом говорит урожайность полей у крестьян и помещиков. По Пензенской губернии накануне революции урожайность на помещичьих полях была выше: по овсу

¹ Петров С. Пенза: краткий исторический очерк/ под. ред. М. В. Савина. Пенза. 1955. С. 56.

² Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. (По материалам Поволжья). Самара. 1994. С. 68.

– на 25,8 %, по ржи – на 15 %, просу – на 9,5 %, гороху – на 21 %, картофелю – на 10,2 % и т.д.

О худшем качестве крестьянских наделных земель говорит и распределение угодий у помещиков и крестьян. Крестьяне особенно были обделены лесом. У помещиков имелось 28,3 % леса в своей земельной площади, притом это был хороший строевой лес. Крестьяне же имели только 8 % леса в своей земельной площади и это был большей частью кустарник, пригодный только на дрова. Сильная распаханность крестьянских земель объясняется малоземельем, которое заставляло крестьян распахивать луга, выгоны, корчевать леса. Подобное отношение крестьян к своим угодьям приводило к пагубным последствиям. Расширение пашни за счет распашки выгонов, лугов, раскорчевки лесов, распашка оврагов неизбежно влекло за собой сокращение скотоводства и других отраслей сельского хозяйства. Прогрессирующая распаханность наделных земель в Пензенской губернии приводила к изменению в худшую сторону структуры почвы, к ослаблению ее плодородия. Характеризуя положение скотоводства в крестьянском хозяйстве в 1905 году, член Городищенского уездного комитета В.Сабуров писал: «Скот у большинства крестьян летом за недостатком пастбищ голодает, а зимой от бескормицы издыхает, если хозяин заблаговременно не подумает продать часть его, оставшись часто без коровы, иногда и лошади»¹. Недостаток скота сказывается на плохой удобряемости полей, что приводило к истощению почвы и к низким урожаям.

Обработка полей в губернии производилась примитивными средствами. Исправник Керенского уезда писал, что «... обработка земли у крестьян производится по-прежнему первобытным способом, т.е. сохами, обычными боронами, и только у немногих, более состоятельных, имеются плуги»². Несколько лучше дело обстояло в помещичьих имениях. У небольшого количества помещиков имелись плуги, паровые и конные

¹ Пензенский край в XVII в. – 1917 г. Саратов, 1980. С. 104.

² Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905-1907 гг., Пенза. 1955. С. 29

молотилки. В целом же и в помещичьих хозяйствах усовершенствованных орудий было очень мало.

В Пензенской губернии господствовала трехпольная система земледелия и у помещиков (только на 0,5 % земли велись многопольные севообороты), и у крестьян. В некоторых местах, например, в Саранском уезде, бытовала двухпольная система из-за недостатка земли.

Не имея возможности прокормиться с надела, крестьяне уходили на заработки на сторону – на Волгу, в сельскохозяйственные губернии, как Самарская, Саратовская, оренбургская, область войска Донского, а также на разработки нефти в Баку и т. д. Количество отходников из Пензенской губернии с каждым годом увеличивалось. По данным отчетов губернатора, в 1902 году из губернии на заработки отправились 83 609 человек, в 1903 – 88 тысяч, в 1905 – 90 тысяч. Уходили не только на заработки земледельческого характера, уходили портные, плотники, каменщики и т.д. Многие крестьяне отправлялись на рыбные промыслы в Баку, многие работали в Москве, Петербурге, Одессе и других крупных городах¹. Средством приработка денег для крестьян были кустарные промыслы в губернии: обработка дерева, животных продуктов, минеральных веществ. Всего в 1902 году в промыслах было занято 19 666 хозяйств, то есть 9,1 % всех крестьянских хозяйств. Некоторые селения Пензенской губернии, имевшие у себя промыслы, в начале века окончательно потеряли свой земледельческий облик и превратились в торгово-промышленные села. Ярким примером тому служило село Поим Чембарского уезда. Кустари здесь занимались выделкой кожи и производством обуви².

Как и в других губерниях, в Пензе проводились ярмарки. Важнейшей была Петропавловская, работавшая 7 дней с 26 июня по 3 июля. Главными предметами торговли были: «полотняный, железный, щепной товары, шерсть, лошади, рогатый скот».

¹ Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Дооктябрьский период/ отв.ред. М. К. Мухарямов-Йошкар-Ола, 1978. С. 95.

² Пензенский край в XVII в. – 1917 г. Саратов, 1980. С. 118.

Существовали еще две ярмарки: Семиковская – трехдневная, переходящая во времени и Никольская, проводившаяся с 1 по 15 декабря. Однако по своим торговым оборотам они были незначительны.

Средний процент грамотности по губернии равнялся в 1897 году 14,7 %. Грамотность распределялась неравномерно. В городах процент грамотных достигал 36,4 %, а в Пензе он доходил до 46,1 %. Среди мужчин уезда в целом процент грамотности поднимался до 26,2 %, а среди мордвы – только до 17,7 %. Особенно была обделена образованием женщина. Процент грамотных женщин среди русских составлял 7 %. Среди мордовского населения грамотные женщины встречались единицами (1,8%)¹

В начале XX века в губернии было 593 начальных школы с 35 561 учеником и 773 учителями. Начальным образованием охватывалось только 2,4 % всего населения губернии. Из 593 школ 187 находилось в ведении Святейшего Синода и непосредственно подчинялось пензенскому архиепископу. В них главным образом учили «Закон Божий» и церковное пение. Остальные школы находились в ведении земств и министерства. Во всех губерниях преподавание велось на русском языке. Правительство решительно отказывало татарам, мордве вести преподавание в школе на родном языке. Из ничтожного количества детей, которые обучались в начальной школе, большинство приходилось на долю зажиточной части населения, а беднота, составлявшая большинство деревни, не могла позволить себе такой роскоши, как обучать детей в школе. В школах существовал большой отсев опять-таки за счет бедняцко-середняцких слоев населения. Краснослободская земская управа сообщала в 1901 г., что учащихся поступило в 33 земские школы 968 человек, выбыло из-за малообеспеченности за этот же год 514 человек (53%). Тяжелым было положение учителей. Их заработная плата в среднем составляла 200 руб. в год, что обуславливало невыносимые материальные условия жизни учителей.

¹ Культура, быт и материальное благосостояние рабочих Поволжья второй половины. XIX–XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Пенз. гос. ун-т. им. В.Г. Белинского; Отв. ред. Н. А. Шарошкин Пенза, 1996. С. 98.

«В Матвеевской школе (Краснослободский уезд) учитель за неимением средств живет подворно, как пастух, у родителей учеников», – отмечала пензенская газета «Епархиальные ведомости» в 1904 году¹.

К 1897 г. В Пензенской губернии имелось 28 участковых врачей и 38 участковых фельдшеров. На одного врача приходилось в среднем 49 населенных пунктов с 50 446 человеками населения. 24,4 % населения должно было обращаться за медицинской помощью более чем за 25 верст. Недоедание, отсутствие медицинского обслуживания содействовали распространению болезней среди населения. Несмотря на высокую рождаемость (5-5,5 %), прирост населения в губернии оставался ничтожно малым (1,05%)².

Таким образом, можно сказать, что в данный период в Пензенской губернии происходит развитие капиталистических отношений, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Однако экономическое развитие тормозили многочисленные феодальные пережитки. Это негативно отражалось на уровне жизни большинства населения губернии и способствовало росту недовольства в обществе.

§ 3. Нарастание кризисных явлений в социально-политической сфере в стране

Обострение социально-экономической обстановки в стране привело к выдвижению требований к правительству со стороны различных слоев населения. Так, в 1900–1904 гг. было зарегистрировано около 1000 стачек, в которых приняло участие более 430 тыс. пролетариев. Забастовками были охвачены все крупные промышленные районы: Москва, Петербург, Донбасс, Баку, Урал³.

¹ Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905-1907 гг., Пенза, 1955. С. 49.

² Пензенский край в XVII в. – 1917 г. Саратов, 1980. С. 54.

³ Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 32.

Первоначально забастовки носили в основном экономический характер – улучшение условий труда и быта. Постепенно характер выступлений рабочих изменился, они стали выдвигать и политические требования (ликвидация самодержавия, введение демократических свобод), стали использовать новые формы борьбы (политические демонстрации, всеобщие стачки).

Наиболее крупные события в рабочем движении начала XX в.:

- празднование 1 Мая в Харькове (1900) как дня международной пролетарской солидарности, когда рабочие во время политической демонстрации впервые выдвинули лозунг «Долой самодержавие!»;
- первомайские демонстрации в Баку, Вильно и других городах;
- столкновение рабочих Обуховского завода в Петербурге с полицией и войсками 7 мая 1901 г., вошедшее в историю как «Обуховская оборона»;
- в ноябре 1902 г. экономическая забастовка в Ростове-на-Дону переросла в широкое выступление 30 тыс. рабочих;
- всеобщая стачка рабочих юга России в июле 1903 г. – бастовало около 225 тыс. рабочих Одессы, Киева, Николаева, Керчи, Баку, Батуми, Тифлиса и других городов, занятых в разных отраслях промышленности (с ними были торговые служащие, телефонисты, печатники)¹. Экономические требования (повышение заработной платы, улучшение условий труда, сокращение продолжительности рабочего дня до 8 часов) сочетались с политическими: предоставление свободы стачек, собраний, слова и печати; ликвидация самодержавия и установление демократической республики. Лишь с помощью войск правительству удалось подавить эту стачку;
- 18-дневная всеобщая стачка рабочих Баку (декабрь 1904 г.), в которой участвовало до 50 тыс. человек. Рабочие требовали созыва Учредительного собрания, прекращения русско-японской войны, 8-часового рабочего дня, улучшения условий своего труда и быта. Размах движения и

¹ Социально-экономическая история российской деревни к. 19 – н.20 вв.: сб.научных трудов/ отв.ред. В. Г.Тюкавкин, М., 1980. С. 124.

солидарность рабочих напугали правительство. Стачка закончилась победой рабочих: впервые в России был подписан коллективный договор («мазутная конституция») между рабочими и предпринимателями. В нем закреплялся 9-часовой рабочий день и 8-часовой в предпраздничные дни, предусматривалось повышение заработной платы, предоставление ежегодных отпусков...¹.

Таким образом, с середины 90-х годов XIX в. рабочий вопрос стал одним из главных во внутренней политике правительства. Его пытались решить тремя методами:

1. Репрессии – за участие в стачках рабочие подлежали уголовной ответственности, их могли арестовать, заключить в тюрьму, выслать на родину с запрещением проживать в промышленных городах. Однако репрессивный путь оказался малоэффективным против массового движения, тем более что предприятиям требовалось все больше профессиональных рабочих;

2. Правительство продолжило законодательное регулирование взаимоотношений предпринимателей и рабочих: принят закон об ограничении рабочего дня, были расширены права фабричной инспекции, призванной следить за нарушением законов предпринимателями, гасить возможные причины забастовок, учреждались пенсии рабочим казенных предприятий, потерявшим трудоспособность на производстве, компенсации фабрикантами рабочим, получившим травму на производстве. Однако подобными уступками нельзя было погасить недовольство рабочих;

3. Развертывание «попечительной» политики, цель которой состояла в том, чтобы отвлечь пролетариат от антиправительственной борьбы. На некоторое время часть рабочих увлеклась идеей сотрудничества с властями и начала участвовать в «зубатовских» организациях, названных по имени их инициатора – начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова.

¹ Водарский Л. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972. С. 77.

Он предложил власти самой создавать рабочие организации, формировать фонды социальной поддержки рабочих, открывать магазины и школы, что решило бы экономическую стачку. Однако такая политика натолкнулась на сопротивление фабрикантов, решивших, что полиция натравливает на них трудящихся, Зубатов был уволен и правительство снова пошло по пути силовых мер.

В 1900–1904 гг. значительного размаха достигли выступления крестьян (около 600 волнений в 42 губерниях европейской части России). Однако в эти годы крестьяне не выступали против самодержавия. Они требовали раздела помещичьей земли, сокращения налогов и повинностей¹. Наивысший подъем был отмечен в 1902 г., когда из-за голода, вызванного недородом 1901 г., начались волнения на Украине, в Поволжье, Грузии и Азербайджане². Однако и тут крестьяне выступают, как правило, против отдельных помещиков и требуют раздела помещичьей земли, сокращения налогов и повинностей.

Политику правительства в аграрном вопросе можно охарактеризовать как силовую: массовыми карательными действиями правительство задушило крестьянские волнения (крестьян наказывали целыми селами, отдавали под суд, ссылали на каторгу). За понесенные помещиками «убытки» правительство наложило на крестьян дополнительный налог в 800 тыс. рублей³. При этом правительство понимало, что одними репрессиями аграрно-крестьянский вопрос не решить. В 1902 г. было учреждено «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», однако предложения С. Ю. Витте о расширении имущественных и гражданских прав крестьян, переходе от общинного к хуторскому землевладению посчитали преждевременными. Манифест в феврале 1903 г. подтвердил

¹ Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775-1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 193.

² Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 76.

³ Кабытов П. С. Классовая борьба в Поволжской деревне в период империализма (1900 - февраль 1917 гг.). Куйбышев. 1986. С. 82.

неприкосновенность общинного землевладения. Однако в 1903–1904 гг. был принят ряд законов, облегчавших отдельным крестьянам выход из общины, позволявших переселяться на казенные земли и уравнивавших крестьян в правах с другими сословиями. Эти уступки не решили аграрно-крестьянский вопрос¹.

С 90-х годов XIX в. демократическая интеллигенция выступала против полицейского произвола, требовала политических свобод. Ее участие в общественном движении выражалось в создании легальных обществ (ученых, врачей и т. д.), на заседаниях которых обсуждались острые политические вопросы, в помощи Красного Креста участникам революционных выступлений, в сборе денежных средств для стачечников и политзаключенных, в предоставлении явочных квартир для революционеров и т. д.

Наибольшую активность проявляла молодая часть интеллигенции – студенчество: в начале XX в. значительная часть радикального студенчества перешла к открытой политической борьбе, заявив о своей солидарности с рабочим классом. Демонстрации студентов и рабочих весной 1901 г. в Москве всколыхнули всю Россию и заставили правительство отказаться от применения «Временных правил...» об отдаче студентов в солдаты за участие в беспорядках². Всероссийские студенческие забастовки 1899, 1901, 1902 гг. имели широкий политический резонанс, а в процессе борьбы в молодой среде формировались будущие крупные общественные и государственные деятели - участники Февральской и Октябрьской революций.

Таким образом, к началу XX в. несоответствие существующего строя духу времени стало очевидно:

– дворянство постоянно жаловалось на «оскудение» и недостаточную поддержку со стороны правительства;

¹ Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775-1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 193.

² Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 79.

- буржуазию раздражал явный разрыв между растущей ее экономической мощью и мизерной долей участия в управлении страной;
- интеллигенция требовала гражданской свободы и простора для своей профессиональной деятельности, претендуя на роль защитника и учителя народа;
- крестьянство мучилось от малоземелья и унижительных пережитков крепостной эпохи, а рабочие – от тяжелейших условий труда и быта и полного попрания их просыпающегося человеческого достоинства;
- национальные меньшинства все острее чувствовали, что к ним относятся как к людям второго сорта, постоянно оскорбляя их традиции, язык и культуру.

Степень этого недовольства и формы его проявления у различных социальных слоев были далеко не одинаковы, что не позволяло их антиправительственным настроениям и выступлениям слиться воедино. И тем не менее внутриполитическая ситуация в России становилась все более и более взрывоопасной¹.

Процесс возникновения политических партий в России начался в неблагоприятных социально-экономических условиях и происходил под влиянием следующих факторов:

- наличием самодержавия;
- отсутствием политических свобод;
- многонациональностью государства;
- спецификой экономического строя.

1) Партия российских социал-демократов – сформировалась до начала революции.

Первая попытка создания социал-демократической партии в России была предпринята в марте 1898 г. на I съезде в Минске, но она не имела

¹ Тютюкин С. В. Первая революция в России: взгляд через столетие // Отечественная история. 2004. № 6. С. 123.

успеха (ни программа, ни устав не были приняты) – делегаты съезда были арестованы¹.

С 1900 года Г. В. Плеханов, Л. Мартов, В. И. Ульянов (Ленин) начали издавать за границей нелегальную политическую газету «Искра», которая объединила разрозненные кружки и организации. Летом 1903 г. в Брюсселе и Лондоне состоялся II съезд Российской социал-демократической рабочей партии, где были приняты программа и устав, оформившие образование Российской социал-демократической рабочей партии.

В программе предусматривалось два этапа революции. На первом – программа-минимум – реализация буржуазно-демократических требований: ликвидация самодержавия, ограничение рабочего дня 8 часами; введение всеобщего, равного, прямого избирательного права и других демократических свобод; возвращение крестьянам отрезков и предоставление им права свободного распоряжения землей; отмена выкупных платежей, возвращение крестьянам сумм, взятых в форме выкупных и оброчных платежей. На втором – программа-максимум – осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата.

Однако идейные (программные) и организационные разногласия раскололи партию на большевиков (сторонников Ленина) и меньшевиков (сторонников Л. Мартова):

– большевики стремились превратить партию в узкую организацию профессиональных революционеров и ратовали за введение в программу идеи диктатуры пролетариата (установление политической власти рабочих для построения социализма и в будущем бесклассового общества);

– меньшевики не считали Россию готовой к социалистической революции, выступали против диктатуры пролетариата и предполагали возможность сотрудничества со всеми оппозиционными силами.

¹ Тютюкин С. В. Первая революция в России: взгляд через столетие // Отечественная история. 2004. № 6. С.126.

Несмотря на раскол, РСДРП взяла курс на разжигание рабоче-крестьянского движения и подготовку революции.

2) Партия социалистов-революционеров (эсеров).

Создание партии было провозглашено в 1902 г. Ее руководителями были В. М. Чернов, А. Р. Гоц, М. А. Натансон, Е. К. Брешко-Брешковская и др. В партию входили учителя, агрономы, инженеры, представители рабочего класса и крестьянства.

Идеологической платформой эсеров являлось неонародничество. Своей основной задачей эсеры считали подготовку народа к «социалистической» революции, и выступали за установление народовластия в стране. Партия отстаивала демократические права и свободы, федеративное устройство страны по национальному принципу, право наций на самоопределение, а центральным требованием аграрной программы эсеров являлась «социализация» земли: земля должна была быть изъята из рыночного обращения и стать общенародным достоянием. Право распоряжаться землей получали крестьянские общины, которые должны были уравнительно распределять ее «по едокам», т.е. по количеству рабочих рук.

В качестве действенного средства борьбы с властями эсеры признавали индивидуальный террор. За 1905–1907 гг. эсеры провели 204 террористических акта¹. Но к террористическим актам были причастны не только эсеры, но и другие политические партии. Из наиболее крупных террористических актов можно назвать убийство 2 февраля 1905 г. в Москве эсеровским боевиком И. П. Каляевым великого князя Сергея Александровича. В этом же году 28 июня убит московский градоначальник граф П. П. Шувалов. Убийство совершил эсер П. А. Куликовский. 7 августа 1905 г. в Ростове-на-Дону боевики РСДРП зверски убили начальника Ростовского отделения Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог подполковника И. В. Иванова. 22 ноября в

¹ Головкин Г. З. 1905–1907. Вехи обоюдного насилия власти и революции // Россия и современный мир. 2006. № 1. С. 27.

Саратове эскадра А. А. Биценко в упор застрелила генерала В. В. Сахарова. Одно из самых громких убийств 1906 г. – это убийство 16 января советника Тамбовского губернского правления Г. Н. Луженовского на станции Борисоглебск. Советника застрелила в упор эскадра М. А. Спиридонова. В этот же день в центре Тифлиса грузинский меньшевик А. П. Джорджияшвили (Джиошвили) бросил бомбу в коляску начальника Закавказского генерального штаба Ф. Ф. Грязнова. Генерал от сильных ранений погиб на месте. 25 марта эсер В. В. Чекальдин бросил бомбу в экипаж тверского губернатора П. А. Слепцова. Губернатор был разорван на куски. 1 июля в Петергофе был застрелен эсерами генерал-майор С. В. Козлов. Его убили, приняв за петербургского градоначальника Д. Ф. Трепова. 7 августа эсеры-максималисты совершили взрыв на служебной даче премьера П. А. Столыпина. Столыпин не пострадал, но погибло 30 человек, в том числе посетители, среди них дети, старики и одна беременная женщина. 21 декабря эсеры убили петербургского градоначальника В. Ф. фон-дер-Лауница, когда он присутствовал на открытии клиники кожных болезней. 25 января 1907 г. в театре отравленными пулями из револьвера убит пензенский губернатор Н. В. Александровский¹.

Поразительно, что очень часто убийства сопровождались грабежами, к которым причастны все революционные партии (основные деньги шли партиям именно от грабежей банков, почтовых вагонов, пароходов, различных лавочек и магазинов и просто частных лиц).

Многочисленные жертвы терроризма и грабежей точно не подсчитаны до сих пор. В основном гибли плохо вооруженные городовые, полицейские и сторожа. В источниках о количестве жертв можно встретить разные цифры. По некоторым сведениям, только правительственных служащих погибло до 5 тыс. человек².

² Тютюкин С. В. Первая революция в России: взгляд через столетие // Отечественная история. 2004. № 6. С. 14

К началу первой русской революции в стране были созданы или находились в процессе формирования политические партии, представлявшие интересы различных социальных слоев общества.

Таким образом, обострение целого ряда противоречий общественного развития свидетельствовало о глубине и масштабах роста социально-политической напряженности, о сползании страны в пучину системного кризиса. Нельзя сказать, что в придворных кругах напрочь отсутствовало понимание всей серьезности возникшей угрозы, но выработать и предложить народу эффективную и социально ориентированную модель выхода страны из кризиса самодержавие не смогло.

§ 4. Оппозиционное движение в провинции (на примере Пензенской губернии)

Начало рабочего движения в Пензенской губернии происходило под влиянием ленинской газеты «Искра» и созданной в Пензе в 1890-е гг. социал-демократической группы. Революционные кружки из рабочих и учащихся через прокламации знакомили рабочих и крестьян с положением в стране. В апреле 1900 г. Пензенский полицмейстер доносил губернатору, что в Пензе «...неизвестными лицами разбросаны возмутительного содержания воззвания студентов по поводу беспорядков, бывших в гг. Санкт-Петербурге, Москве и Харькове». Всего было обнаружено 80 прокламаций. При этом в справке полицейского подчеркивалось, что воззвания разбросаны преимущественно около фабрик и заводов и мест скопления рабочих. В упомянутой прокламации говорилось, что 4 марта 1901 г. В Петербурге, Харькове и Москве произошли кровавые расправы со студентами. Прокламация разоблачала ложь «Правительственного вестника», о том, будто «ничего особенного в этих городах не произошло». На самом деле, говорилось в прокламации, студентов били нагайками, дубинами на паперти Казанского собора, и при этом было убито 15 человек.

«Наше правительство, – говорилось в прокламации, – никому и ни в чем не отдает отчета. Громадные богатства, собираемые им с русского народа, оно тратит по своему произволу: на наем жандармов, шпионов, войну, а народ умирает с голоду, погрязает в невежестве от недостатка школ... Проснись же, русский народ, открой глаза на окружающие тебя ужасы!»¹.

Накануне 1 мая 1902 года Пензенским кружком социал-демократического направления, назвавшим себя «Друзья человечества», было отпечатано и распространено воззвание, призывающее к борьбе с самодержавием. В нем указывалось, что все честное в народе должно поддержать эту борьбу. Вместе с рабочими поднимаются и крестьяне².

Студенты тайно собирались для совместных чтений и бесед, устраивали собрания. На эти собрания, как свидетельствуют жандармские донесения, приходили «неблагонамеренные» лица и вселяли в учащихся «противоправительственные идеи». Кружков учащейся молодежи особенно много было в первой мужской гимназии. Тут пытались тайно издавать журнал. Многие участники этого журнала были исключены из гимназии. Кружок существовал и в духовной семинарии. Под его руководством 15 февраля 1902 года состоялась сходка. Приглашенному на сходку ректору учащиеся подали петицию на имя Святейшего Синода о реорганизации учебных программ семинарии и расширении прав семинаристов, чтобы по окончании 5 класса они могли поступать в университет наравне с лицами, закончившими гимназии.

Среди деревенского населения также нарастало оппозиционное движение. Оппозиционные идеи проникали в пензенскую деревню через листовки, прокламации, брошюры и отдельных пропагандистов. Так, 13 марта 1902 года пензенский губернатор сообщил в департамент полиции, что крестьянин с. Б. Кердяшево Наровчатского уезда Ф. С. Соболев получил из-

¹ Революционная борьба трудящихся Пензенской области в 1905 – 1907 гг. // Сб. документов. Сост. И. С. Федоров, Е. Г. Самойлов. Пенза. 1955. С. 45.

² Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенский губернии в 1905-1907 гг., Пенза, 1955. С.46.

за границы номер «Искры» от 1 апреля 1902 года. Чембарский исправник в марте 1902 года доносил губернатору, что в Свищевке и других селах крестьяне читают и обсуждают печатные прокламации, «в которых дерзостно порицается установленный государственными законами образ правления с целью ниспровергнуть правительство во всем государстве, что прокламации эти были распространены между крестьянами в весьма значительном количестве экземпляров»¹. В циркулярном письме 13 мая 1902 года губернатор сообщает полицмейстеру и исправникам, что «за последнее время среди крестьянского населения вверенной мне губернии стали распространяться брошюры преступного содержания... Распространителями этих брошюр являются воспитанники средних и высших учебных заведений обоего пола, книгоноши и другие лица». Там же губернатор приказывал организовать строгое наблюдение «за всеми прибывшими и прибывающими во вверенную им местность лицам, за книгоношами и т.п. лицами»².

Власти зачастую не придавали серьезного значения распространению волнений. Например, рапорт уездного исправника губернатору о беспорядках на пенько-трепальном заводе купца Балышева 1901 г. гласил, что «о происшедшем 16 января не было донесено Вашему Сиятельству потому, что в данном случае не было никакого возмущения, а заурядное явление с пропойцами...», и «...рабочие вернулись к работе, получив от хозяина по стакану водки».

Нарастание стачечной борьбы рабочих, студенческие движения находили живой отклик у крестьян. Например, крестьяне Дертевки Пензенского уезда отказались от кабальных условий аренды лугов у помещицы Сабуровой. Крестьяне с. Екатериновки Саранского уезда ворвались в экономию, захватили свой скот, загнанный с экономической земли, и избили служащих. Крестьяне с. Макаровки изрубили железную изгородь в имении Теплякова, так как она загораживала крестьянский проход

¹ Революционная борьба трудящихся Пензенской области в 1905 – 1907 гг. // Сб. документов. Сост. И. С. Федоров, Е. Г. Самойлов. Пенза. 1955. С. 55.

² Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенский губернии в 1905-1907 гг., Пенза, 1955, С.19.

на свои поля. В с. Танеевка общественные пастухи угрожали экономическому старосте, когда тот скандалил по поводу потравы¹.

В экономии Остен-Сакен в Пензенском уезде крестьяне с. Миротворцевки 18 и 25 июня 1902 года сожгли 7 стогов сена и стреляли в управляющего имением. Исправник объясняет это тем, что «сельский староста заражен влиянием нынешнего времени». К этому добавляется, что крестьяне дерзки потому, что «многие из них ходят на заработки в г. Баку и по зимам в Пензу».

Весной 1902 года крестьяне с. Любятино составили приговор о покупке земли у Тюткина без согласия последнего. При чем некоторые на сходе предлагали на покупать землю, а отобрать ее. В Чембарском уезде тогда повсеместно оживленно обсуждались события в с. Хованщине, где крестьяне избили старшину, пристава и решили, что путем насильственных действий они могут наконец добиться, что земля от помещика перейдет к ним». Всего, отмечалось жандармскими документами за 1902 год, крестьяне губернии совершили сотни различных выступлений².

Пензенский исправник писал, что «при первоначальном появлении в уезде прокламаций крестьяне с большим любопытством их читали, старались тайно передавать друг другу; в с. Бессоновке стали говорить о том, что скоро будет дана вторая воля, от помещиков землю отберут и наделят крестьян, крестьяне будут царя выбирать и т.п.» Исправник при этом указывал, что Бессоновка – возможный очаг будущих крестьянских выступлений. Оно – село пригородное, в нем «народ более развитой, ежегодно бывает в разных губерниях по продаж лука, крахмала, патоки; первоначальное появление прокламаций и брошюр произвело здесь сильное впечатление по сравнению с другими селениями». Также исправник подчеркивал резкое недовольство бессоновских крестьян своими «духовными пастырями» за их «усиленные

¹ Касимов А. С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895 – февраль 1917 г.). Пенза, 1993. С. 66.

² Касимов А. С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895 – февраль 1917 г.). Пенза, 1993. С. 67.

поборы за требоисполнения и притеснения по совершению браков, за перемену имени, данного младенцу при крещении, если кума не даст священнику полотенце, неправильные выборы церковного старосты и т.д.»¹

В 1903 году по массовости крестьянских выступлений Пензенская губерния стояла в числе первых в стране. Вот какую оценку обстановки в деревне дала одна пензенская помещица в письме к министру внутренних дел летом 1903 года. Крестьянское население Пензенского уезда, писала она, «за последнее время стало неузнаваемым: его обуяла какая-то невообразимая дикость нравов, буйства, озлобления, а главное необузданная мания пожаров... Почти ни одного дня не проходило без набатного звона и пожаров, а тем более ночи... Сначала принялись поджигать почему-то кирпичные сараи, затем после сенокоса у всех землевладельцев начали жечь стога на лугах только что собранного сена. Во время уборки поджигали копны хлеба в поле, после перевозки хлеба в гумно стали жечь владельческие гумна, скирды хлеба, ометы соломы и заготовленные на зиму корма»².

Массовые поджоги помещичьих усадеб, отмеченные местными властями, не являлись делом одиночек. Губернатор в донесении от 13 сентября 1903 года писал, что крестьяне являлись на пожары с песнями «и не скрывали своего удовольствия по поводу происшедшего несчастья, и не только уклонялись от участия в тушении пожара, но иногда явно противодействовали таковому».

Число выступлений крестьян росло от года к году. Например, поджогов помещичьих усадеб в 1899 г. было 117, в 1900 г. – 115, в 1901 г. – 153, в 1902 г. – 130, в 1903 г. – 228, в 1904 г. – 538. (1) Эти цифры показывают, что с каждым годом крестьяне выступали все решительнее против помещиков. С помощью поджогов крестьяне стремились захватить помещичью землю.

¹ Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905-1907 гг., Пенза, 1955. С. 44.

² Революционная борьба трудящихся Пензенской области в 1905 – 1907 гг. // Сб. документов. Сост. И. С. Федоров, Е. Г. Самойлов. Пенза. 1955. С. 32.

Наличие сильного аграрного движения в Пензенской области вынужден был признать министр внутренних дел, он требовал от губернатора поиска и наказания виновных¹.

Особенно сильными были выступления крестьян в Черницовской, Федоровской, Загоскинской волостях Пензенского уезда. Центром движения являлось село Литомгино. Здесь был создан крестьянский комитет. Он руководил выступлениями, распространял среди крестьян издания нелегальной литературы, рассылал ее в другие селения. Крестьянский комитет возглавлял и борьбу крестьян в с. Любятино Инсарского уезда. Под его руководством ночью 12-го апреля 1903 года были сожжены амбар и конюшня помещика Н. Тюткина. Тогда же были сожжены усадьба священника В. Успенского, зажиточного крестьянина А. Ныркова. Полицейское следствие показало, что указанные поджоги были произведены по предварительному приговору крестьян. Их возглавляла группа молодежи из 5 человек под руководством исключенного гимназиста. Тайные собрания крестьян проводились в овраге «Кошкарковский». На них присутствовало по 48-49 крестьян. Губернатор потребовал ареста руководителей – Силантьева и Чернецова и производства допросов крестьян².

Характерным в выступлениях крестьян начала XX века было то, что они действовали очень решительно: пасли свой скот на помещичьих полях, проявляли намерения захватить и распахать помещичью землю, были случаи отказа от уплаты податей, выполнения повинностей.

В губернии имели место также сельскохозяйственные стачки. 13 мая 1902 года в имении графа Шувалова-Иванова в Городищенском уезде 25 крестьян, нанявшихся на работу с 1 апреля по 1 ноября 1902 года, бросили работу, а потом пошли жаловаться в Нижне-Шкафтинское волостное

¹ Крестьянское движение в России в 1890-1900 гг. Сб. док. М., 1959. С. 49.

² Касимов А. С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895 – февраль 1917 г.). Пенза, 1993. С. 67.

правление на плохое питание у помещиков. Не получив удовлетворения, они разошлись по домам¹.

Одновременно с борьбой всего крестьянства против помещиков происходила борьба внутри самого крестьянства. Крестьянская беднота все чаще выступала против растущей и развивающейся деревенской буржуазии. Эти выступления чаще всего происходили в форме поджогов.

Царское правительство жестоко подавляло крестьянские выступления. 5 мая 1903 года последовал царский закон, на основании которого «в целях охранения благочиния, спокойствия и порядка» в Пензенской губернии появились стражники. Они должны были следить за крестьянскими настроениями, предотвращать и подавлять выступления крестьян против помещиков.

Кроме того, правительство путем мелких подачек народу пыталось предотвратить крестьянские волнения. В 1901 году Николай II издал распоряжение пересмотреть законодательство о крестьянах на почве Положения 19 февраля 1861 года. Созданная комиссия Стишинского начала свою работу, исходя из положения о недопустимости проникновения в деревню городского влияния и необходимости усилить надзор за крестьянами со стороны земских начальников. Одновременно было создано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», призванное якобы разработать меры к доходности сельского хозяйства. Практически все эти меры были приемом для раскола крестьянства, чтобы удержать его от борьбы².

В марте 1901 года департамент полиции дал губернатору директиву об установлении строжайшего контроля за высланными студентами для предотвращения их влияния на рабочих и учащихся. 10 апреля министр внутренних дел Сипягин предписывал привести в боевую готовность войска, арестовывать неблагонадежных ввиду возможных выступлений в майские

¹ Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905-1907 гг., Пенза, 1955. С. 19.

² Крестьянское движение в России в 1890-1900 гг. Сб. док. М., 1959. С. 89.

дни. Тогда же в распоряжение губернатора были выделены три роты для действия по его усмотрению. Губернатор А. В. Адлерберг вместе с саратовским губернатором разработали план координированных действий против народных масс по губернии. Произведены были аресты, настолько многочисленные, что мест в пензенской тюрьме не хватало и пришлось размещать арестованных в уездных тюрьмах.

Между тем мощный размах демократического движения по стране заставлял царское правительство идти на уступки. Такой уступкой явился манифест от 18 августа 1904 года об отмене телесных наказаний крестьян. Отменены были все недоимки по выкупным платежам и земским сборам, которые числились на наделных землях к 1 января 1904 года. Но эти уступки мало что меняли в положении крестьян¹.

Таким образом, подъем рабочего движения в стране, повсеместный рост крестьянского движения, активизация различных политических партий и групп – все это мы можем видеть на примере Пензенской губернии в данный период. Борьба крестьян с помещиками преследовала цель уничтожения помещичьих имений, конфискацию помещичьей земли и передачу ее в собственность государства или крестьян для организации мелких фермерских хозяйств. Рабочий класс выступал прежде всего за введение 8-часового рабочего дня, охрану труда, свободу профсоюзов, свободу печати, собраний, организаций и т.д. В стране назревал политический кризис.

Глава 2. Провинциальное общество в условиях русско-японской войны

§ 1. Стратегия правящих кругов по созданию образа войны

¹ Революционная борьба трудящихся Пензенской области в 1905 – 1907 гг. // Сб. документов. Сост. И. С. Федоров, Е. Г. Самойлов. Пенза. 1955. С. 33.

Для правящих кругов Российской империи война с Японией представлялась выходом из сложившейся в стране ситуации, при которой «маленькая победоносная война со слабым противником» представлялась способом воздействия на массовое сознание, способным предотвратить перерастание революционной ситуации в революцию. Успешность любого действия правящих кругов, как известно, определяется тем, как общество относится к проводимым действиям. Русско-японская война, которая вызвала в русском обществе весьма неоднозначную реакцию, поставила перед правящими кругами задачу идеологической обработки общественного сознания в нужном для «верхов» ключе. Основным каналом этой обработки послужила пресса, в первую очередь ежедневные газеты – как официальные органы печати, так и буржуазно-монархическая и буржуазно-либеральная печать. Для популярности войны необходимо четкое представление в широких кругах общества о её целях, убежденность в её справедливом характере, вера в способность государства отразить нападение врага. Армия и народ должны быть убеждены в своем военно-техническом и моральном превосходстве над противником, в конечной победе над врагом. В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь.

Важность обработки общественного сознания вполне ясно осознавалась правящими кругами. Николай II воспринимал периодическую печать как одно из средств идеологического воздействия на общество. Прекрасной иллюстрацией к этому могут служить слова императора, сказанные им в феврале 1904 г. в ответ на поднесенный представителями петербургской прессы адрес: «Благодарю петербургскую печать за выраженные в адресе прекрасные чувства. Внимательно следя за печатью последнее время, Я убедился, что она явилась верною истолковательницею современных событий, ее одушевление и проникновение народным духом доставили мне истинное удовольствие. Надеюсь, что и впредь русская печать

окажется достойною своего призвания служить выразителем чувств и мыслей великой страны и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду и только правду»¹. Во время войны действовала военная цензура, которая тщательно следила за сведениями, поступающими в тыл с театра военных действий. Не удивительно, что сообщения о военных событиях подавались органами печати, как правило, в нужном для власти ключе.

Первая задача, которая встала перед прессой – доказать обществу самую неизбежность и необходимость войны, причем идеологическая обработка в данном направлении велась весь первый год боевых действий. Выдвигались объективные причины конфликта: доказывалось, что Русско-японская война отвечает многовековым интересам России, ее движению на Восток, необходима для укрепления наших позиций на Дальнем Востоке, на который теперь стала претендовать Япония; мы отняли у Японии плоды ее победы над Китаем (в Японо-китайской войне 1894–1895 гг.), сделав наше столкновение неизбежным, и хорошо, что война началась в момент, когда Япония еще относительно слаба. Данную позицию хорошо выразил А. Суворин в «Новом Времени»: «Мы воюем для того, чтобы никто не смел трогать нас на Дальнем Востоке, чтобы поддержать свой авторитет; причина войны та же самая, которая лежит в истории объединения российской империи; мы можем избежать войны, дать японцам все, что они хотят, но это обратит Россию в данницу монголов, принизит ее национальный дух, рассыплет ее единство в прах. ...Мы сражаемся именно за судьбы России, за упрочение ее могущества, и всякий это поймет, если сообразит возможные последствия войны»².

Власти обращались к национальному самосознанию, национальной гордости россиян. Основной тезис, который при этом выдвигался – войну развязала Япония, и раз уж она началась, необходимо дать агрессору

¹ Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.. СПб., 2005. С. 23.

² Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997. С. 47.

достойный ответ; Россия не может просто так уступить, а быть побежденной Японией для нее равносильно национальному самоубийству. Война – зло, но бегством ее не остановишь, необходимо бороться; долг каждого – оказать свою посильную помощь в этой войне, а если понадобится, то и умереть рядом с товарищами на поле боя. Обращение к национальному самосознанию подкреплялось (особенно в начале войны) описанием многочисленных патриотических манифестаций, адресов, подносимых императору, сообщениями о добровольцах, о жертвованиях на нужды войны и т. д. Все это, вместе взятое, должно было укрепить в русском обществе убеждение, что истинный патриот России – это человек, желающий победы в войне и всеми силами этому способствующий.

Второе направление по формированию общественного мнения, которое можно выделить – создание позитивного образа самой войны, в котором она представляется как победоносная, а все происходящие неудачи и отступления – как временные, незначительные либо предусмотренные стратегическим планом командующего. Данное направление можно бы было выразить фразой: «Россия обязательно победит, в этом не может быть никаких сомнений». Эта задача решалась следующими способами:

- путем отбора позитивной информации о состоянии русской армии и флота, ходе боевых действий (зачастую она не соответствовала действительности); кроме того, делался упор на описание подвигов русских солдат, матросов, офицеров, их героизм;

- путем интерпретации событий в духе того, что все развивается по планам главнокомандующего, заранее предусмотрено и получит, в свое время, разрешение; здесь же можно отметить создание позитивного образа самого командующего Маньчжурской армии генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина как выдающегося стратега, блестящего офицера, «лучшего

современной полководца», «скромного, не любящего помпы человека» и т. д.¹.

Типичны были также информационные сообщения о том, что русский отряд в составе «таких-то офицеров и сотни казаков» нанес врагу значительный урон; мы же потеряли всего несколько человек. В случаях, когда ожидалось нападение японцев на определенный пункт, неизменно сообщалось, что там все прекрасно, дух войск высок, снабжение продовольствием и боеприпасами превосходно, позиции укреплены согласно последнему слову военной науки и т. д.

Наиболее яркий пример такого подхода – сообщения о состоянии Порт-Артура. Типичные телеграммы из крепости вплоть до сентября 1904 г. следующие: «Получена весьма утешительная энергичная корреспонденция из Порт-Артура. Артурцы уверены в своем начальнике генерале Стесселе: его дух бодрости и уверенности в победе передается всем войскам гарнизона и жителям. Передовой боец генерал Фок в настоящее время выдерживает на передовых позициях Порт-Артура весь напор японских войск и надолго оттягивает блокаду Порт-Артура; трудами генерала Кондратенко крепость усиливается с каждым днем, создаются новые укрепления; единство этих генералов создало из Порт-Артура неприступную крепость; всё обстоит благополучно»; «...в Порт-Артуре высокий боевой дух, к бомбардировкам гарнизон и жители относятся пренебрежительно, в продовольствии недостатка нет, ночная стрельба волнений не вызывает»; «...беглецы из Порт-Артура сообщают, что японцы ведут бой, были бомбардировки форта... миноносец «Лейтенант Бураков» привез из Инкоу сведения о состоянии Порт-Артура»².

Столь же многочисленны были заметки, живописующие подвиги офицеров и нижних чинов армии и флота. Характерно, что в ряде случаев подвиги специально рекламировались. В случаях, когда русская армия или

¹ Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.. СПб., 2005. С. 122.

² Воробьева Э. А. Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии»)/port-arthur.ucoz.ru., от 20.02.17.

флот терпели поражение, отступали, прибегали к следующему способу – интерпретации события в позитивном ключе. Вслед за информационными сообщениями об отступлении от Тюренчена, Вафангоу, Цзиньчжоуских позиций у Порт-Артура, Дашичао, Ляояна и т.д. следовала серия заметок на тему, что все действия войск (в том числе «отступательные») предусмотрены планами командующего, согласно которым необходимо достигнуть стратегического сосредоточения армии, то есть добиться ее численного превосходства над противником, и только потом уже переходить в решительное наступление. До этого момента армия должна малыми силами сдерживать противника во всех подходящих местах, задерживать его наступление, пока в тылу будет формироваться собственно ядро войска. Никакие временные неудачи на театре военных действий ни в коем случае не означают поражения или хотя бы малейшего ослабления России. Бой под Тюренченом был представлен таким образом, что наши войска, разведав японцев, должны были отступить, но «зарвались храбрецы, затянули оборону, обильно полили своею жаркою кровью негостеприимный берег Ялу, но, в конце концов, отступили, не дав себя окружить и истребить окончательно».

О бое под Цзинь-чжоу написали, что эти позиции являлись рекогносцировочными, передовыми, поэтому их уступка японцам не должна удивлять. То, что они дались японцам такой ценой – указывает только на то, что взять Порт-Артур приступом будет трудно, почти невозможно. Для самого Порт-Артура Цзинь-Чжоу – только передовая позиция, ее цель – задержать неприятеля, измотать его, но не более; бой до последней капли крови на передовой позиции не желателен и не целесообразен, надо нанести врагу максимальные потери и вовремя отступить, а у Цзинь-Чжоу это как раз было сделано, и сделано блестяще¹.

¹ Воробьева Э. А. Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии»)//port-arthur.ucoz.ru., от 20.02.17.

В июне 1904 г. газеты с оптимизмом писали, что надо ждать, «чем больше сжимается пружина, тем сильнее будет удар», придет время и усилившаяся русская армия разобьет японскую и т. д. В июле они объясняли, почему отступили от Вафангоу и Ялу и писали о начавшейся борьбе за долину Ляохэ. В июле русскими войсками один за другим сдаются перевалы на Фэньшуйлинском и Сюнешанском хребтах, запирающих вход в долину Ляохэ. Несмотря на несомненно стратегическое значение перевалов читателей успокаивали, что оставление Гайчжоу и Инкоу было предусмотрено и наступление японцев на Хайчен и даже Ляоян тоже. «Русские Ведомости» в июле 1904 г. писали по этому поводу, что японцы, вероятно, предпримут наступление на Мукден при общем наступлении маршала Нодзу на Маньчжурскую армию; Куроки вполне может двинуть на Мукден по горным дорогам две дивизии, однако беспокойство в обществе по этому поводу необоснованно, Куропаткин это наступление, конечно, предусмотрел, и в его план компании входит и отражение натиска Куроки на Мукден, и последующий переход в наступление.

Подобная интерпретация событий дополнялась указаниями на различные «объективные условия», которые не допустили победу русской армии и чисто пропагандистскими материалами, рассчитанными не столько на разум, сколько на чувства читателя.

Органы периодической печати относились к войне в соответствии с тем идейным и политическим направлением, к которому они принадлежали. В связи с этим наблюдались разногласия и расхождения «в основных взглядах на самую войну»¹.

Откровенные шовинистические настроения были присущи помимо официальной печати, лишь крайне правым газетам. В самих органах печати отмечался взрыв интереса к газетам, который произошел с началом русско-японской войны. Газеты стали активно читать везде – даже в самых глухих деревнях. Типичны следующие заметки по этому поводу: «В почтовые дни

¹ История русско-японской войны /Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 57.

почтово-телеграфное отделение осаждается чающими и жаждущими новостей, и газеты вырываются чуть ли не из почтовых тюков». То, что газеты (наряду со слухами) служили основным источником информации о войне, подтверждается и в воспоминаниях о Русско-японской войне.

В частности, врач и публицист В. В. Вересаев в своих записках отмечает, что читали даже такое абсолютно официозное издание, как «Вестник Маньчжурских армий», читали просто потому, что больше неоткуда было достать информацию¹.

Следует отметить, что «ура-патриотические» настроения начала войны, изображение русской армии и флота исключительно в героическом, позитивном ключе, велось не только из-за давления «сверху» (через цензуру и т.п.), но во многом соответствовало и чаяниям самого общества. Степень воздействия на читателя «идеологически выверенной» информации и материалов была различной, от недоверия до полного и безоговорочного принятия. Довольно долго усилиями именно прессы поддерживался авторитет и популярность командующего Маньчжурской армии А. Н. Куропаткина. Его рисовали как гениального полководца, наследника и преемника М. Д. Скобелева, «отца» для солдат, чуткого и душевного командира, будущего покорителя японских орд. Само отбытие А. Н. Куропаткина в действующую армию обставили с величайшей помпой: торжественные проводы, речи, панегирики «желанному вождю русских», подача благодарственных адресов, поднесение икон и т.п. Торжественные встречи-проводы командующего проводились на всем пути его следования и подробно освещались в печати. Хвалебные характеристики самого генерал-адъютанта встречались на каждом шагу, причем они продолжали с завидной регулярностью появляться на страницах газет в течение всего первого года войны. А что же отступления? И здесь пресса была единодушна: все – во имя будущих побед, командующий стоит перед необходимостью сначала

¹ Воробьева Э. А. Основные направления формирования общественного мнения Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // port-arthur.ucoz.ru., от 20.02.17.

сосредоточить свои силы и только после этого сможет ударить. Так, «Санкт-Петербургские Ведомости» писали, что А. Н. Куропаткин «уже сделал очень многое для подготовки блестящего конца» и что как только у него будет 300 тысяч человек – звезда Японии закатится». Впрочем, некоторые попытки газет защитить А. Н. Куропаткина сейчас выглядят как анекдот, скажем, как следующая цитата из «Нового Времени»: «Даже японцы, несмотря на все свои успехи, озадачены и глубоко задумываются над вопросом, где и когда этот немногоречивый и спокойный человек остановится.

Японцам, конечно, и в прекрасном сне не могло присниться, что их противник будет отступать, отступать и отступать чуть не до Харбина и так вплоть до начала мирных переговоров...»¹.

Для поддержания патриотических настроений в народе широко использовались популярные в народной среде во время русско-японской войны лубочные картинки, открытки, плакаты, карикатуры. Эти произведения были рассчитаны на широкие слои населения, поэтому враг на них, как правило, изображался слабым, глупым, трусливым и некрасивым. Напротив, русские выглядели мощными, сильными, смелыми. Для массового сознания в России эти образы в пропагандистской риторике всегда служили абсолютной мерой негативного.

Итак, правящие круги через средства массовой информации пытались сформировать и закрепить в русском обществе определенный (а именно позитивный) образ войны, представить ее как успешную, победоносную, отвечающую коренным интересам России. Средствами для этого служили подбор позитивной информации о ходе боевых действий, освещение происходящих событий под «нужным углом» (то есть с точки зрения того, что все отступления заранее предусмотрены стратегическим планом, неудачи носят временный, несущественный характер, обусловлены недостатками отдельных частных военачальников или частей войск), а так же

¹ Воробьева Э. А. Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии»)//port-arthur.ucoz.ru., от 20.02.17.

использование пропагандистских материалов, обращение к героическим страницам истории русской армии и флота (описание подвигов русских солдат, матросов, офицеров в Русско-японскую войну). В ходе русско-японской войны в России происходила смена направленности официальной пропаганды. От обоснования необходимости войны для России, от заверений в неизбежности победы России над Японией как небольшой по сравнению с Россией, отсталой азиатской страной, она вынуждена была приступить к обоснованию причин неудачного хода войны со стремлением оправдать политику властей неудачным стечением объективных обстоятельств.

В целом пропаганда войны через создание ее приукрашенного образа была эффективна тактически, но совершенно губительна в стратегическом плане. По мере поражения на Дальнем Востоке правительству все сложнее было поддерживать патриотические настроения населения страны.

§ 2. Отношение провинциального общества к военному конфликту

Русско-японская война 1904–1905 гг. оказала огромное влияние не только на общую политическую ситуацию в стране, но также затронула и российскую провинцию.

Находясь далеко от театра боевых действий, Пензенская губерния не осталась сторонним наблюдателем событий. Сама Пенза стала одним из важных пунктов, через который следовали на Дальний Восток войска. Здесь они делали краткие остановки – дневки. Это потребовало от губернских и городских властей подготовки специальных помещений для размещения войск. На эти нужды из военного фонда было выделено 3000 рублей. Такие остановки приносили местному управлению много организационных хлопот. Как отмечал губернатор Хвостов в письме генералу Зандеру: «Пенза - пункт намеченных дневок неудобный. Станция тесна». К краткосрочному квартирному людей приспособляли ярмарочные корпуса. Также население выполняло квартирную повинность – так размещали офицерский

состав. Провинциальное общество было отзывчивым к нуждам военных. Например, М. Е. Ивановский из патриотических чувств бесплатно предоставлял нижним чинам на 2 дня в неделю свою торговую баню.

Однако скопление в городе солдатских отрядов часто приводило к беспорядкам. «Ввиду отсутствия должного надзора солдаты начали бродить по городу, производя нежелательные нарушения порядка и благочиния, а временами и буйства, сопряженные с ограблением базарных лавок со съестными припасами».

На станциях постоянно повторялись нападения на казенные винные лавки: «нижние чины вели себя буйно и выбили окна в винной лавке в селе Ромоданово, а затем на станции «Саранск», упомянутые чины распоролы несколько мешков с горохом и побили извозчика».

С целью предотвращения подобных происшествий были приняты следующие меры: «в праздничные дни и в дни ухода из города Пензы маршевых команд» запретили торговлю «крепкими напитками в казенных винных лавках и частных питейных заведениях», город разделили на 3 части, в каждой части «ежедневно назначались дежурные роты».

Пензенское управление Российского общества Красного Креста вело сбор денег и вещей на нужды раненым и больным воинам. Пензенское Губернское Дворянское Собрание решило вопрос о добровольных взносах. В уездах были организованы комитеты для сбора пожертвований на военные нужды. В Пензе, помимо остальных, был организован Дамский Комитет, возглавляемый супругой губернатора А. И. Хвостовой, который тоже занимался сбором пожертвований и отправкой их в действующую армию. Губернская газета того времени постоянно публиковала сообщения о пожертвованиях пензенцев на нужды войны. В Пензе устраивались благотворительные концерты, художественные выставки, все сборы от которых направлялись на фронт. На средства местного управления

Российского общества Красного Креста был сформирован в г. Нерчинске госпиталь и в нем получили медицинскую помощь 2373 человека¹.

Пенза стала местом, где размещали японских военнопленных. Документы свидетельствуют, что за время войны их было здесь до 600 человек.

Нельзя не отметить, что жители Пензенской губернии приняли активное участие в боевых действиях против японских милитаристов. В многотомном издании «Русско-японская война 1904–1906 гг.», вышедшем в 1910 году в Петербурге, подробно говорится о боевых действиях Мокшанского, Инсарского, Пензенского, Чембарского полков. Всего по губернии было мобилизовано более семи тысяч человек.

28 июня 1904 г. в Пензе император Николай II провёл смотр полков, отправлявшихся из губернии на фронт. Об этом имеется запись в Дневнике императора: «28-го июня. Понедельник. В 8 час приехали в Пензу к месту парада. В нем участвовали полки: 213-й Оровайский, 216-й Инсарский, 281-й Дрисский и 284-й Чембарский. Они представились отлично, несмотря на плохое состояние почвы, размякшей от дождей...». После царского смотра каждый офицер удостоился царского «спасибо», а каждый нижний чин награды императора – по одному рублю².

В тот же день полки убыли из Пензы на Маньчжурский фронт, куда прибыли 3 августа того же года. На фронте 216-й полк действовал в составе 54-й пехотной дивизии (командующий дивизией генерал-майор Генерального штаба Н. А. Орлов) 5-го Сибирского армейского корпуса. Полк внес заметный вклад в итог Ляоянского сражения (11 – 24 августа 1904 г, Южная Манчжурия), где действовал под командованием полковника Линденстрема в бою у станции Янтай. Ценой громадных потерь Инсарского полка, а также соседнего 215-го пехотного Бузулукского полка был предотвращен разгром Маньчжурской армии. Полк принимал участие в

¹ ГАПО. Ф. 85. Оп.1. Д. 7550.

² Участие мордвы в русско-японской войне // Портал православной молодежи Мордовии // српmm.ru, от 20.10.16.

сражении под Мукденом и позднее был Высочайше пожалован знаком «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 годах». По окончании войны, 6 марта 1906 г., 216-й Инсарский и 284-й Чембарский пехотные полки вернулись на родину в Пензенскую губернию и опять были слиты в один полк¹.

Героизм солдат и офицеров уроженцев пензенского края был отмечен командованием. Георгиевским крестом был награждён солдат Т. Я. Учуватов (крестьянин из Темниковского уезда). Во время обороны Порт-Артура прославился мещанин из г. Саранска П. Г. Турылёв. Войну он начал рядовым солдатом, домой вернулся в чине унтер-офицера с тремя Георгиевскими крестами.

Одним из героев Цусимского сражения стал старшина С. С. Ющин, уроженец д. Алкаево Темниковского уезда. Во время русско-японской войны он служил матросом на эскадренном броненосце «Бородино». Военный корабль «Бородино» находился в составе русской эскадры адмирала З. П. Рожественского, посланной на помощь с берегов Балтийского моря и разгромленной 14 мая 1905 г. в Цусимском проливе. Именно «Бородино», сменив поврежденного «Александра III», вел эскадру практически до конца дневного боя. Около 19 часов японский снаряд вызвал, очевидно, взрыв боезапаса. Броненосец перевернулся и вскоре затонул. Из 866 человек команды спасся единственный матрос – марсовый Семен Ющин. Когда корабль стал тонуть, Ющина выбросило в море. Цепляясь за обломок шлюпочной мачты, он выдержал поединок со стихией и лишь много времени спустя был подобран. 8 месяцев он провел в плену. В 1906 г. он вернулся в Россию².

На знаменитом крейсере «Варяг» служили уроженцы пензенского края – Я. Г. Гурьянов и П. С. Судаков. Когда команда «Варяга» затопила свой

¹ Ломшин В. А. Русско-японская война и мордовский край в 1904–1905 гг.// Центр и периферия. 2010. № 3. С. 41.

² Перов В. В. Когда же закончится война?: Из дневника офицера-интенданта, 29 июля – 31 декабря 1904 г.// Земство. 1995. № 1. С. 43.

корабль, оставшиеся в живых матросы оказались в воде. Сутки носило в океане на палубной доске Якова Гурьянова, пока его не подобрала американские моряки. За этот бой Я. Г. Гурьянов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. П. С. Судаков служил в водолазном отряде крейсера «Варяг». Находился в числе матросов, кому было поручено потопить «Варяг». После потопления крейсера и возвращения в ноябре 1904 г. в Кронштадт ему были вручены Георгиевский крест 4-й степени и серебряная медаль в память последнего боя «Варяга» и «Корейца»¹.

Сейчас уже мало кто помнит, что знаменитый вальс «На сопках Маньчжурии», написанный Ильей Шатровым, имеет полное название «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Это произведение было посвящено пензенцам, погибшим в русско-японскую войну 1904 – 1905 гг.

Окончив Варшавский музыкальный институт, подпоручик И. Шатров в 1903 году приехал в Пензу, где возглавил полковой оркестр Мокшанского полка. Дебют полкового музыканта на дирижерском поприще не остался незамеченным, и послушать музыку приходило почти все население Мокшана.

Когда началась русско-японская война, мокшанцев отправили в Маньчжурию. Они храбро сражались под Мукденом и Ляояном. Наши земляки, участники мукденского сражения, одиннадцать суток не выходили из боев, удерживая свои позиции. На двенадцатый день японцы окружили полк. Силы оборонявшихся были на исходе, заканчивались боеприпасы. В этот критический момент в тылу у русских войск заиграл полковой оркестр, которым дирижировал капельмейстер Илья Шатров. Сменяли друг друга марши. Музыка придала солдатам силы, и кольцо окружения было прорвано.

Однако потери оказались велики. Пехотная дивизия, в состав которой входил и 214-й Мокшанский полк, потеряла убитыми 52 офицера и около 2 тысяч нижних чинов, в том числе двух музыкантов. За этот бой семь

¹ Участие мордвы в русско-японской войне // Портал православной молодежи Мордовии // <http://cpmm.ru>., от 20.10.16.

оркестрантов были удостоены высшего знака солдатской доблести – Георгиевского креста, а сам капельмейстер – ордена Станислава III степени с мечами.

Уже после войны И. А. Шатров сочинил вальс и в память о своих погибших друзьях и однополчанах назвал его «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии»¹.

В историю русско-японской войны вошел подвиг рядового 284-го Чембарского полка В. Т. Рябова, родившегося в пензенской деревне Лебедевке. Добровольно вызвавшийся идти в разведку, он, переодетый в китайца, работал вместе с ними у японских позиций. По рассказам китайцев можно предполагать, что Рябову удалось собрать нужные сведения о японской армии. Но передать эти сведения своему командованию он не успел. У деревни Цы-шань был разоблачен японским офицером и расстрелян. На допросе и перед смертью Рябов держался с достоинством, что вызывало уважение у противника. Японское командование в своем письме русским писало: «...наша армия не может не высказать наше искреннее пожелание уважаемой армии, чтобы последняя воспитывала побольше таких прекрасных, достойных полного уважения воинов, как означенный Рябов». (12)17 сентября 1909 г. прах солдата был найден на месте боев, перевезен в Пензенскую губернию и со всеми воинскими почестями захоронен в родном селе 6 октября 1909 г.

В 1911 г. в Петербурге был сооружен памятник героически погибшему экипажу эскадренного миноносца «Стерегущий» – этот памятник и пензенцам М. В. Повалихину и Т. И. Зацепину, служившим на «Стерегущем»².

При разминировании фарватера гавани Порт-Артура взорвался минный заградитель «Енисей», на котором служил кочегаром уроженец села Савино, Савинской волости Краснослободского уезда Я. И. Голованов.

¹ Вержбовский В. Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Молодой Ленин. 2000. № 7.

² ПГВ. 1911. № 121.

На крейсере 1-го ранга «Светлана» вахтенным начальником служил выпускник пензенской гимназии, а затем морского корпуса лейтенант А. В. Вырубов. После гибели крейсера он попал в японский плен¹.

В элитном экипаже броненосца «Александр III», куда моряков подбирали строго по росту, выправке и интеллекту, кочегарным квартирмейстером служил Федор Копылов, родом из Голицынской волости Саранского уезда.

Таким образом, наши земляки – простые труженики войны с честью прошли через триумф духа и трагедию военных поражений от «Варяга» до Цусимы на море, от Порт-Артура до Ляояна и Мукдена на суше, гражданское население, всячески поддерживающее воевавших – все они до конца выполнили свой воинский и гражданский долг. Не их вина, что последующая оценка обществом Русско-японской войны как позорной, провальной, проигранной, во многом уравнила и героев, и трусов.

Таким образом, война осмысливалась в народном сознании как некий долг, требующий от воинов доблести и чести на полях сражений (что продемонстрировали пензенские герои), а от гражданского населения – жертвований на военные нужды. Характерно, что в Пензенской губернии эти жертвования собирались в течение всей войны, даже тогда, когда она стала крайне непопулярной.

§ 3. Русско-японская война в освещении периодических изданий Пензенской губернии

В современном обществознании периодическая печать признается важным историческим источником, предоставляющим исследователю многоплановый синтезированный материал, включающий официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику и множество другой ценной информации. Неоспоримую силу

¹ Новиков-Прибой А.С. Цусима. Роман. Фрунзе, 1960. С.67.

печатное слово начинает набирать в начале XX в. Рассмотрим провинциальную жизнь населения Пензенской губернии в период русско-японской войны по публикациям газеты «Пензенские губернские ведомости», т. к. это было единственное общественно-политическое издание Пензы в начале XX в.

Интерес к событиям войны отразился в усиленном спросе на газеты и телеграммы. «Все газеты – и столичные и провинциальные – были переполнены рассказами о том, что как полуграмотные, а зачастую и неграмотные «деревенские русские люди» жадно ловили всякие отголоски рассказов и известий с театра военных действий». Повсеместным явлением стали собрания групп деревенских мужиков в чайных, у почт для получения новых известий с Дальнего Востока. Распространилась практика подписки на газеты или абонирование на телеграммы Российского телеграфного агентства всей деревней или волостным сходом. Выезжавшие в город крестьяне рассуждали: «Без газеты домой ехать никак нельзя; мужики ругаются; у нас теперь порядок такой, кто в город поедет зачем, то должен и газету привезти, а вечером соберемся, грамотеи ее вслух и читают»¹. Газеты и телеграммы, несомненно, способствовали просвещению крестьян, расширению их кругозора, развитию политического мышления. Местные интеллигенты отмечали, что война оказала большое влияние на распространение грамотности в деревне: «Невозможно еще учесть роль войны в деле распространения в деревне грамотности. Но все наблюдатели деревенской жизни, касающиеся этого вопроса, в один голос утверждают, что значение это огромно, что всенародное бедствие, тяжелым гнетом лежащее на сердце каждого русского человека, было толчком, сильно и резко двинувшим вперед грамотность»².

¹Пензенские губернские ведомости. 1904. № 27.

² Пензенские губернские ведомости. 1904. № 27.

Для жителей губернии война России Японией не была неожиданной. Еще 4 октября 1903 г. «Пензенские губернские ведомости» сообщали о «возможности вооруженного столкновения между этими странами».

6 ноября того же года газета информировала читателей о том, что «последние два месяца весь Дальний Восток был встревожен слухами о предстоящей войне России с Японией». Далее «Пензенские губернские ведомости» в каждом номере публиковали сообщения телеграфных агентств на эту тему из Лондона, Парижа, Берлина, Пекина, Токио, Санкт-Петербурга.

Война, как известно, началась 27 января 1904 г. нападением японской эскадры кораблей на российский тихоокеанский военно-морской флот, дислоцированный в Порт-Артуре, полностью уничтожив его.

В начале февраля 1904 г. газета сообщала о торжественных проводах с вокзала Пензы на Дальний Восток воинских частей с оружием и провиантом¹. Так в жизнь и сознание жителей Пензенской губернии вошла война, требовавшая человеческих жизней, мужества, огромных духовных и материальных затрат, и они сразу же последовали.

Был сформирован санаторно-врачебный отряд на 25 коек для помощи больным и раненым, на что губернское земство затратило 31 690 руб. Укомплектовав его медицинским оборудованием, спальными принадлежностями, продовольствием и обслуживающим персоналом, пензенские власти в середине апреля торжественно проводили его на Дальний Восток, где ему было присвоено название «Пензенско-Харьковский врачебно-питательный отряд»².

По указанию царского правительства из Пензенской губернии было мобилизовано на фронт 24118 пехотинцев, для которых местное земство выделило 519100 руб. на приобретение 6500 аршин сукна. Из него на местных фабриках сшили шинели. На местных предприятиях изготовили 12 больших медных котлов для приготовления пищи солдатам. Средств на

¹ Там же.

² Пензенское губернское земство. Пенза. 1905. С.142.

данные затраты в губернском земстве было недостаточно, поэтому пришлось «взять ссуду в банке»¹.

Пенза в то время была крупным железнодорожным узлом, где пересекались пути восточного, северного и южного направлений, формировались воинские эшелоны и отправлялись на фронт. Этим обстоятельством объясняется визит императора Николая II в Пензу 28 июня 1904 г. Конечно же, «Пензенские губернские ведомости» во всех подробностях рассказали жителям губернии о таком знаменательном событии. В газете говорилось, что императора встречали губернатор А. С. Хвостов, представители всех государственных, сословных и общественных организаций, уездных управ. Приветствуя Николая II, председатель губернской земской управы А. А. Артыганьев преподнес Его императорскому величеству хлеб-соль «на деревянном резном чинаровом блюде с такою же солонкой». Николай II поблагодарил собравшихся за теплый прием, пожаловал 3000 руб. на выдачу от его имени «единовременных пособий беднейшим жителям города Пензы», провел осмотр войск и пожелал им успехов в боях с японскими захватчиками. Ровно через две недели газета сообщала о том, что император объявил благодарность губернатору статскому советнику А. С. Хвостову «за порядок на улицах и на месте Высочайшего осмотра войск в городе Пензе»².

Вслед за визитом императора в городах и уездах губернии стали проводить массовую кампанию по сбору средств и ценностей для армии и для усиления военно-морского флота России. Так, в номере от 2 июня 1904 г. на первой полосе было опубликовано обращение губернского управления Красного Креста, в котором говорилось, что подразделения Красного Креста в городах и уездах «принимают, кроме денежных пожертвований, также и приношения вещами, нужными для больных и раненых в военное время, особенно питательными продуктами: всякими консервами, овощами,

¹ Пензенское губернское земство. Пенза, 1905. С. 131

² Пензенские губернские ведомости. 1904. №№ 177, 179.

стерилизованным и сгущенным молоком, кофе, чаем, сахаром, какао, шоколадом, разными крупами». Далее указывались адреса приемных пунктов.

Рубрика «На Красный Крест» не сходила с газетных полос. В номере от 3 июля 1904 г. сообщалось, что на помощь раненым и больным поступило 67779 руб. 53 коп.

6 июля читатели узнали, что от жителей губернии «поступили следующие материальные пожертвования: 48,8 аршин холста, 1288 аршин пестрядины, 271 аршин самотканки, 254 аршина ситца, 60 аршин бумазеи, 56 аршин коленкора, 8493 полотенца, 1452 рубахи, 1078 кальсон, 7430 штук портянок, 479 простыней, 484 наволочки для подушек, 956 пар варежек и перчаток, 1461 пара чулок шерстяных и нитяных, 77 одеял»¹.

На снаряжение дополнительного санитарного отряда, сформированного в Пензе, и отправляющегося в Нерчинск, местное управление Красного Креста «изготовило из пожертвованного холста 1240 наволочек для подушек, 701 рубаху, 654 пары кальсон, 259 халатов, 110 фартуков, 252 тюфячных мешка, 85 блуз и 105 простынь»².

В номере от 4 августа 1904 г. газета сообщала, что за период с 15 июля по 1 августа на счет Красного Креста в губернии поступило 70563 руб. 77 коп³.

Ежемесячно «Пензенские губернские ведомости» информировали читателей о добровольных взносах жителей губернии на развитие российского военно-морского флота. В номере от 6 июля 1904 г. сообщалось, что на укрепление флота от земского начальника Мокшанского уезда поступило 2079 руб. 28 коп.; от 31 июля – из Керенского уезда – 2478 руб. 23 коп.; от 4 августа – из Городищенского уезда – 1699 руб. 72 коп.⁴.

¹ Пензенские губернские ведомости. 1904. №№ 181, 184.

² Там же. № 184.

³ Пензенские губернские ведомости. 1904. № 213.

⁴ Там же. №№ 184, 209, 213.

Газета сообщала и о пожертвованиях российского народа в целом по стране. К 3 июля 1904 г. на счет Главного управления Красного Креста поступило пожертвований на сумму 4425000 руб. Этих средств хватило не только на покрытие расходов царского правительства на военные нужды на Дальнем Востоке, но и осталось 566000 руб.¹.

Благодарность за оказываемую помощь тоже не заставила себя ждать. 10 июля 1904 г. «Пензенские губернские ведомости» опубликовали «Письмо в редакцию» командира 213 пехотного Орловайского полка полковника Ромашевского, который благодарил настоятельницу Пензенского женского монастыря за бесплатный пошив для солдат 1400 полотняных гимнастических рубах².

Газетные публикации дают основание утверждать, что царское правительство стремилось возложить все экономические тяготы войны на плечи трудового народа, а народ, исправно выполняя новую обязанность, не был готов к ней по причине своей необеспеченности в социально-экономическом плане.

Возвращаясь к рассказу о помощи военным, следует отметить деятельность пензенских железнодорожников. К 1 августа 1904 г. через их склады прошло 6630 пудов разных грузов для больных и раненых Дальнего Востока. Только за август 1904 г. в Пензу поступило 9774 пуда груза, в том числе из Одессы 2500 пудов морской травы для лазаретов, от Смоленского управления Красного Креста – 800 пудов, от Екатеринодарского – 750 пудов продуктов, от Ярославского – 1227 штук халатов и 370 пудов белья, от Виленского – 3050 суконных халатов и 625 пудов белья. С начала июля по сентябрь в Пензу поступило и отправлено по адресам 24000 пудов пожертвований³. Все это говорит о том, что в обеспечении воюющей российской армии продовольствием и медикаментами принимало участие все население России.

¹ Там же. № 189.

² Там же. № 188.

³ Пензенские губернские ведомости. 1904. № 252.

Довольно часто «Пензенские губернские ведомости» сообщали о ходе военных действий, и не всегда эта информация была приятной. Так, в материале «Бой при Гайджоу» говорилось: «Главные силы нашего передового отряда, занимавшие высоты у Хэдзятуня ... были принуждены отступить... У неприятеля к вечеру 24 июня имеется до двух дивизий, т.е. от 30 до 40000 человек»¹.

Вскоре читатели стали получать скорбные известия. Имена погибших приносили слезы не в один дом. Первой беда пришла в село Знаменское Керенского уезда. В газете сообщалось, что «18 июля в 3 часа по полудни в бою с японцами на Янузьяменском перевале был смертельно ранен и через 20 минут скончался начальник восточного отряда Маньчжурской армии генерал-лейтенант, граф Федор Эдуардович Келлер»². Номер от 20 ноября 1904 г. содержал типичный список следующих убитых и раненых уроженцев Пензенской губернии:

«Пензенский уезд: Матвей Сизов (Бессоновская волость и село) ранен 18 июля.

Краснослободский уезд: Григорий Аникеев (Введенской вол. д. Черное) и Лаврентий Еремкин (Савинской вол. и села) – оба ранены, первый 18 июля, а второй 14 июля.

Наровчатский уезд: Иван Пономарев (Дубровинской вол. и села) ранен 18 июля и Тимофей Стоякин (с. Кочелаевского) ранен 14 июля.

Н.-Ломовский уезд: Иван Кречин (Н. Ломовская вол. с. Кривошеевка), Василий Соснин (Верхне-Ломовская вол. д. Телячих) и Василий Чевтаев (с. Муромская) все ранены 18 июля у гор. Симучена.

Чембарский уезд: Василий Берденев (с. Свищевка), Петр Понжанкин (д. Пленки), Никифор Трулин (с. Ершово) и Степан Тюлихов (с. Агапово) убиты 18 июля. Филипп Мазенцев (с. Исаевка), Василий Румянков (с.

¹ Там же. № 179.

² Там же. № 206.

Ключи), Григорий Романкин (д. Ольшановка), Елизар Сущев (с. Петровского), Афанасий Спирин (с. Городка) ранены 18 июля»¹.

Много наших земляков отдали жизнь «за веру, царя и Отечество». Подобные списки появлялись на страницах газеты периодически, и вместе с ними в семьи жителей Сурского края проникало скорбное дыхание русско-японской войны.

Предоставляя столь разнообразную информацию о социально-политической жизни губернии и об участии ее жителей в русско-японской войне, «Пензенские губернские ведомости» даже в условиях цензуры являлись важным историческим источником, дающим достаточно широкое представление о фактах действительности.

§ 4. Формирование образа Японии и японцев в общественном сознании

До 1895–1899 г.г. внимание России к Японии было рассеянным. В результате умелых пропагандистских действий японского правительства, устроившего в Европе ряд показательных мероприятий, представляющих Японию исключительно с живописной, художественной стороны, она стала мниться государством, лишенным мышц, но высоко одухотворенным, что с восторгом было воспринято передовой интеллигенцией и людьми искусства «цивилизованного» мира².

Огромный интерес обывателей к японцам как народу и противнику удовлетворялся многочисленными перепечатками из европейских и российских изданий. В силу этого оценка получалась весьма многогранной. На страницы газеты неизбежно проникали западные, во многом мифологизированные взгляды на Японию как на почти европейскую страну,

¹ Пензенские губернские ведомости. 1904. № 321.

² Куланов А. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России / <http://leit.ru>, от 19.10.16.

которая превосходит Россию по уровню культуры и теперь выполняет цивилизаторскую миссию в Азии. Так, в одной статье утверждалось, что со времен средневековья роли переменились: «Восток стал культурнее когда-то разгромленного им Запада»; русские объявлялись «воинственными кочевниками». Статья при этом была серьезно исправлена цензурой в пользу русских¹.

«Образ врага» в лице малознакомой дальневосточной страны и ее народа складывался постепенно. Это было связано с тем, что в течение длительного времени официальная информация, которой располагало российское население о японцах, была крайне скупа и противоречива. Он целенаправленно формировался под влиянием государственной идеологии, пропагандистского воздействия на население и армию.

Японцы воспринимались в России в основном через идеологический фильтр средств массовой информации. Это приводило к тому, что нередко, и в публично выражаемых, и в частных оценках японцев в России прибегали к пренебрежительной и даже оскорбительной форме. Подобная уничижительная оценка реального противника распространилась практически на всех социальных уровнях российского общества. Тон задавал российский император, который испытывал к Японии крайне негативные чувства.

Во время войны механизм конструирования «образа врага» был направлен, прежде всего, на обоснование каждой из воюющих сторон своей правоты в войне, а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем. Своим собственным качествам, которые рассматривались как позитивные ценности, противопоставлялись негативные свойства врага².

Целенаправленное создание «образа врага» велось еще в преддверии войны с Японией. Основной упор делался на изображении японской

¹ В. А. Зайцев Роль цензуры в освещении Русско-японской войны газетой «Казанский телеграф» (1904–1905 гг.)//port-arthur.ucoz.ru от 20.04.10.

² Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997. С. 32.

цивилизации как языческой и варварской, а потому чуждой и даже враждебной цивилизации христианской, европейской (к последней относили и Россию). Весьма активно в прессе и обществе муссировалась тема «желтой опасности», «панмонголизма» (будущей активной борьбы Японии за господство в Азии).

Власти попытались убедить общество в том, что Япония представляет реальную угрозу, причем не только в отношении России, но и в отношении всей европейской, христианской цивилизации. Страна Восходящего солнца страшна не сама по себе, а тем, что на данный момент является выражением «желтой опасности», то есть того самого панмонголизма, о котором предупреждал еще Вл. Соловьев. До сих пор великие азиатские страны, Китай и Индия, бездействовали, их народы еще как бы не проснулись, но Япония, воинственная, честолюбивая, мечтающая о господстве, легко может пробудить Азию, поднять ее на борьбу с европейской цивилизацией. Необходимо упредить эти события, разбить Японию сейчас. Россия в войне сражается не просто за свои интересы, она сражается и за общемировую идею, за интересы всей христианской цивилизации и культуры. При этом одновременно Япония и японцы изображались в презрительном, уничижительном ключе с эпитетами типа «япошки», «желтолицые обезьяны», «макаки», «узкоглазые карлики» и т.д. Важной (и очень стойкой) составляющей образа Японии, именно как вражеской державы, стали многочисленные упоминание об «азиатском» коварстве, вероломстве, фанатизме, о шпионах, способы борьбы с которыми так и не удалось выработать ни до войны, ни в ходе неё. Классическим примером создания такого облика японцев является повесть А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», на десятилетия сформировавшая у русских представление о «японской опасности»¹.

¹ Куланов А. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России/ <http://leit.ru>, от 19.10.16.

В целом к началу конфликта в русской обществе создалось совершенно превратное представление о своем противнике, особенно о японской армии и флоте. Отсутствие понятия о Японии, как о развитой военной державе, военные просчеты царского командования, а в более широком смысле слабое представление о том, что такое Япония вообще, сыграли важную роль в поражении царской России. Шапкозакидательство и резкий патриотический национализм очень быстро сменились шоком от потерь при Ляояне и Мукдене, позором сдачи Порт-Артура и ужасом Цусимы. Положение усугублялось еще и тем, что одним из субъективных поводов для развязывания войны было желание царского правительства отвлечь народ от назревающей революционной ситуации. «Победоносная война», которую огромная Россия собиралась вести с маленькой Японией для укрепления своего внутреннего имиджа, обернулась тяжелым и позорным разгромом на глазах у всего мира. По мере развертывания боевых действий «образ врага» трансформировался – из «макак» японцы превратились в передовую нацию, с армией европейского уровня. Пресса единодушно писала, что японцы проводят операции с соблюдением всех требований современной военной науки; особо отмечались высокая образованность и сознательность как офицеров, так и рядовых японской армии, высокий боевой дух, героизм, готовность к самопожертвованию. Непосредственно на полях сражений к японцам как врагу очень скоро стали относиться с уважением. При этом наиболее цельным в глазах русского общества оказался образ японского солдата, матроса, офицера.

От знака «минус» и «шапкозакидательских настроений» произошел переход к знаку «плюс» (японцы – достойный противник). В пропагандистском смысле было даже правильным объективно высоко оценить мощь японской армии и флота – проиграть сильному противнику всегда почетнее, чем слабому, а Япония действительно была сильным противником.

Подвиг крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» тем значительнее, что противостояли им корабли одного из лучших на тот момент флотов мира. Защитники же Порт-Артура возможно и не сдали бы крепость, если бы не предательство командования. На этих ярких героических примерах, а не на изнурительной позиционной войне в Маньчжурии, и было сосредоточено внимание общественности¹.

В разных регионах Российской империи образ японцев складывался по-разному. Сибирская пресса всю кампанию демонстрировала сочувственное и уважительное отношение к японцам, подчеркивала те достижения, в которых Япония обогнала Россию, высоко оценивала моральные качества японцев и их духовную жизнь. Дальневосточная же пресса неизменно подчеркивала поверхностность европеизации Японии, доказывала, что японская нация «духовно слаба и глубоко порочна», а ее представители, хотя и имеют ряд положительных черт, в целом двуличны, лживы, коварны, вероломны и жестоки.

Пензенская губернии, будучи вдалеке от территории военных действий, имела возможность более отстраненно и опосредованно относиться к противнику Российской империи. Но и в Пензенском обществе по мере затягивания войны усиливаются настроения в пользу японцев и против самодержавия. Японию начинают идеализировать: «У японцев нарезается земля каждому поровну»; «пусть нас японец возьмет, у них господ нет и у нас уничтожит, распоряжение будет другое и земля будет наша вся»; «Порт-Артур был наш, а теперь взял Японец, он ведь тоже православный, когда заберет нас всех в плен, лучше будет, будут другие порядки, а то наш Царь отобрал кабаки, и много людей осталось без куска хлеба» (Ф. Филин, сельский писарь); «зачем Царю делают содействие

¹ Куланов А. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России/ <http://leit.ru>, от 19.10.16.

пожалованием на войну, совсем япония не желала воевать, а пожелал этого наш царь»¹.

В мае 1905 г. Крестьянин с. Нового Кряжма Кузнецкого уезда Саратовской губ. П. И. Канакин был подвергнут полицейскому надзору за ряд высказываний антимонархического характера, связанных с поражением России в войне с Японией. Назвав императора «подлецом и сукиным сыном», он неоднократно и публично заявил, что «Царь мошенник и картежник всю Россию проиграл и еще потому он – Канакин – не хочет быть за Самодержцем, а желает за Японией»².

Подобные настроения абсолютно не соотносились с официальной пропагандой. «Японские мотивы» и пораженческие настроения в высказываниях крестьянства фиксировали оценочные характеристики военного конфликта в целом, роли в нем царя, случаи идеализации противника.

Таким образом, прогностический образ войны, складывающийся до начала военных действий, не был адекватен. Это проявлялось, прежде всего, в недооценке противника, в «шапкозакидательских» настроениях. Это привело к восприятию Японии как противника заведомо неполноценного и слабого. В результате, наблюдались потеря веры в собственные силы и ухудшение морально-психологического состояния российских войск.

В целом, к концу войны для общественного мнения в отношении образа японцев прослеживаются следующие характерные черты:

- облагораживание противника, вплоть до переноса «образа врага» с Японии и японцев на русское самодержавие (японцы – храбрые и достойные противники, самодержавие довело Россию до национального позора);
- присвоение нового («цивилизованного») статуса японской армии.

¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7540.

² ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. 1905 г. Д. 145.

§ 5. Империалистическая война как угроза социально-политической стабильности

Выше уже отмечалось, что для начала боевых действий были характерны «ура-патриотические» настроения. В целом первоначальный отклик народа на Русско-японскую войну содержал как негодование на дерзость, коварство врага, так и очень большой интерес к боевым действиям, так и надежды на скорое завершение войны и непонимание ее причин. По мере затягивания кампании «патриотический пыл» все более угасал. С лета 1904 г. появляются и первые критические материалы на страницах прессы. Первоначально они касались состояния флота, которое многими авторами рассматривалось как весьма плачевное.

Положение дел на сухопутном театре вплоть по декабрь 1904 г. изображалось большинством повременных изданий в духе «соответствия гениальным планам командующего», однако уже с августа-сентября 1904 г. публиковались и материалы, рисующие войну с совершенно другой, «непарадной» стороны. Большую роль в правдивом изображении ее хода сыграли очерки талантливого журналиста В. И. Немировича-Данченко. Написанные ярким, живым языком, горячо и страстно, они даже после цензурных правок оказывали на читателя большое эмоциональное воздействие. Война представляла в них жестокой и кровавой, со всем ужасом боев, с кошмаром бесконечных отступлений, с голодом, неустроенностью, страданиями, страхом, болью¹.

Характерно различие отношений к войне со стороны разных политических течений. Отношение к русско-японской войне либералов было противоречивым и сложным. Оно обуславливалось множеством различных факторов, и менялось на её разных этапах в зависимости от хода военных действий, от событий внутривнутриполитического и экономического характера. При анализе позиции, занимаемой либералами в годы русско-японской

¹ Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб. 2005. С. 67.

войны, учитывалось, что в начале XX российский либерализм представлял собой сложносоставное явление общественной мысли и общественного движения.

На царский манифест о начале войны с Японией, земцы ответили «единодушным патриотическим порывом». Об этом говорят многочисленные верноподданные адреса царю, организация deputаций к «обожаемому монарху» и т. п. Почти все земские либералы, от самых умеренных до самых левых, выступили с призывами к единению и гражданскому миру на время войны. Члены «Беседы» единодушно считали, что их тактика на этом этапе «должна быть не наступательная, но оборонительная, иначе говоря, не следует брать на себя инициативу новых реформ», что «теперь не время активной критики», «итоги будут подводиться потом»¹.

В среде членов «Союза Освобождения» не было единого отношения к войне. Среди них выделились как явные «пораженцы», так и сторонники победы России в войне. Надо иметь в виду, что даже те члены «Союза освобождения», которые считали себя патриотами, и желали победы своей стране, как правило, выступали против дальневосточной авантюры самодержавия. Вне зависимости от занимаемой по отношению к русско-японской войне позиции, земские деятели активно проводили сбор материальных пожертвований. Эта помощь оказывалась земствами на всем протяжении войны. Важно отметить, что не все земцы занимали исключительно либеральные позиции. Часть земцев разделяла консервативные убеждения, часть их была аполитична.

По мере того, как война принимала затяжной характер, менялось отношение к ней в либеральных кругах. К осени 1904 г. значительно уменьшилось число «патриотов» и возросло число лиц, осуждавших внешнеполитический курс правительства в рядах либералов.

¹ В. А. Зайцев. Роль цензуры в освящении Русско-японской войны газетой «Казанский телеграф» (1904–1905 гг.). //port-arthur.ucoz.ru от 20.02.17.

Российские социал-демократы с первых дней войны осуждали внешнюю политику правительства Николая Второго. Меньшевики выдвинули лозунг: «Мир во что бы то ни стало!», в котором было воплощено требование немедленного прекращения войны. Этот лозунг не был тождественен призывам к обороне «своего» Отечества, а общая тактическая линия меньшевиков, вопреки распространенному в советской историографии мнению, принципиально отличалась от тактики либеральной буржуазии. Меньшевики считали, что «рабочий класс не может, сложа руки, ждать той свободы, которую принесет ему военный разгром России», и строили вполне конкретные планы развертывания революционной борьбы за свержение самодержавия.

Отношение к войне лидеров российской социал-демократии сказывалось на практической деятельности членов местных организаций в России. Идеологи социал-демократии считали, что, поскольку во время войны обостряются до предела материальные тяготы трудовых масс, именно в этот момент создается благоприятная почва для революционной пропаганды в воюющей армии и в тылу. Особенно активную агитационную и пропагандистскую работу вели большевики. Первая антивоенная листовка «К русскому пролетариату», написанная Лениным неделю спустя после начала войны, была перепечатана и распространена рядом большевистских организаций. За год войны местные комитеты распространили сотни прокламаций общим тиражом свыше 2 млн. экз.

Пораженческую позицию по отношению к войне поддерживали эсеры и анархисты.

Таким образом, картина общественных настроений в период войны была довольно пестрой. Широкие слои населения, в большинстве своем настроенные консервативно, в начале войны поддерживали внешнюю политику Николая II. Но по мере того, как русская армия и флот несли одно поражение за другим, палитра настроений русского общества менялась. Большинство жителей страны резко критически начали относиться к

внешней и внутренней политике Николая II. Об этом говорят массовые антивоенные выступления, нараставшие как снежный ком. Во многом отношение к войне зависело от чина и звания военнослужащего. По-разному относились к войне генералы, командовавшие войсками, офицеры разных званий, участвовавшие в сражениях, находившиеся в гуще событий, непосредственно сталкивавшиеся с врагом лицом к лицу, и те, кто служил при штабах и т. д. По-своему видели войну солдаты. С течением войны менялось и отношение крестьян к военным событиям.

Хвастливое и горделивое настроение постепенно исчезло с известиями о поражениях русских войск. С начала августа 1904 г. настроения деревни приобрели другой характер. К войне привыкли, она стала обыденностью. Практически все крестьяне стали воспринимать новости с Дальнего Востока более серьезно и вдумчиво, нежели в начале войны. «Крестьяне относятся к событиям сознательно, и в их среде нет хвастливых, задорливых слухов: все понимают, очевидно, серьезность настоящего положения». Центральным событием для крестьян Верхнего Поволжья стала седьмая частная мобилизация, прошедшая в октябре-ноябре 1904 г. Главную проблему при наборах войск представляли беспорядки запасных в результате злоупотребления спиртными напитками. В ходе мобилизации крестьяне, подлежащие призыву, бросали свои занятия и уходили в запой. Мотивом такого поведения было желание «как следует по-русски кутнуть, быть может, в последний раз на родине»¹. Пьянство призывников было настолько массовым явлением, что Министерство внутренних дел предоставило уездным и городским воинским присутствиям право лишать домашнего отпуска новобранцев, явившихся в нетрезвом виде или нарушивших порядок в местах призыва. Чтобы пресечь беспорядки, во время мобилизации закрывались казенные и частные винные лавки, но и эта мера часто не помогала. По свидетельству ярославцев, «на улицах нередко попадаются пьяные лица, настроенные соответственно переживаемому моменту». Такое

¹ Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 2005. С. 55.

поведение среди крестьян было своего рода психологической компенсацией, стремлением заглушить страх и отчаяние перед отправкой на фронт. На этой почве случались курьезы. В «Костромском листке» был описан следующий случай: «Призывались на действительную службу одни пехотинцы. Некоторые артиллеристы подняли ропот и ищут виноватых в том, что они теперь целый месяц, ожидая призыва, напрасно пропьянствовали». Мобилизация сыграла важную роль в изменении настроений деревни. Очевидец призыва во Владимирской губернии охарактеризовал поведение крестьян: «Взятые запасные буквально ревели, садясь в вагоны и прощаясь с родными. Все так и говорили: «Прощай, матушка, больше тебя не увижу», – и рев с обеих сторон. Если раньше война мало ощущалась на жизни сельского населения, то теперь семей, члены которых воевали на Дальнем Востоке, стало значительно больше. Это поставило их в невыгодное экономическое положение. Корреспондент «Северного края» отмечал: «С уходом из дома запасных они лишились своей рабочей силы. Что могут сделать с землей одни солдатки, когда у каждой на руках от 1 до 8 детей. Одним словом, ... солдатки оказались в самом беспомощном положении – для того, чтобы как-то кормиться, им ничего не осталось как распродавать имущество, просить общественной помощи (подавания)». Особенно тяжело приходилось родителям, братьям и сестрам призванных, так как им не полагалось пособие от земства или городской думы. Недовольство деревни вызывали неудачи русских войск на Дальнем Востоке. В Любимском уезде за антигосударственные высказывания по поводу нелепой внешней политики империи было задержано трое крестьян. 5 февраля 1905 г. в с. Еремеевское Ярославского уезда крестьяне на сходе говорили, что «надо было перебить всех министров за то, что голодом морили наше войско на Дальнем Востоке». 7 февраля в с. Вятском Даниловского уезда крестьяне охотно слушали проезжего, который заявлял, что «99 из 100 не хотят войну»¹. В

¹ Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 2005. С. 55.

целом же следует признать, что вербализованные случаи осуждения войны были единичными.

Если же обратиться к динамике общественного мнения, то настроения осени 1904 г. пресса единодушно характеризовала как «тоскливо-ожидательные». Тот же «ожидательный» тон нарастал и в газетах: сначала в связи с боями на Шахэ, затем по поводу ситуации в Порт-Артуре и возможностей 2-й Тихоокеанской эскадры. Вместе с тем продолжала существовать «двойственность сознания», согласно которой, с одной стороны, общество требовало скорейшего окончания противоборства, с другой – ждало побед и героических реляций.

Сдача Порт-Артура, на этом фоне, стала для общества настоящим шоком, с которым большинство и современников, и исследователей связывали «начало конца». Если до падения крепости тот приукрашенный образ войны, который правящие круги пытались навязать обществу, хоть как-то воспринимался читателем, то после произошла кардинальная смена оценок. Война из «героической и в будущем победоносной» превратилась в позорную и проигранную, пресса повела целенаправленную критику дел в армии и на флоте, а чуть позже – и в целом в государственном устройстве России, весьма настойчивыми стали требования прекращения войны и проведения внутренних реформ. Разгром русской армии под Мукденом и особенно гибель флота в Цусимском проливе окончательно подорвали авторитет власти. На столь резкое восприятие обществом Порт-Артура, Мукдена и Цусимы повлияли не только сами события, как таковые, но в большой степени и то, что относительно них в обществе был сформирован «победный миф».

К лету 1905 г. русское общество уже не верило никаким оптимистичным заявлениям и победным реляциям, никаким «гениальным» планам и проектам. Утрата доверия к власти, мысль о том, что она уже не способна решать стоящие перед обществом задачи, послужила как минимум одним из источников начавшейся в стране революции.

Из числа проблем, вызванных войной, в центре общественного внимания оказались следующие:

- рост цен на основные продукты и товары;
- реквизиции продуктов;
- положение семей запасных нижних чинов, оставшихся без кормильцев.

Другим фактором, ставшим существенным аргументом в пользу прекращения конфликта, стала проблема помощи семьям запасных нижних чинов. Государственные пособия покрывали только часть издержек, но даже они выдавались со множеством нарушений и злоупотреблений. Общая бедственная ситуация с семьями запасных вызывала двоякий отклик. С одной стороны, она постоянно призывала общество жертвовать на нужды семей ушедших воинов. С другой, – обращала внимание на то, что продолжение войны неизбежно ведет к разорению хозяйств запасных, чем дальше, тем больше, чему приводилась масса примеров.

В Пензе в этом отношении ситуация не была такой сложной, как в Сибири и на Дальнем Востоке. Земское собрание Пензенской губернии 13 марта 1904 г. по велению самого императора «постановило семьям низших чинов, призванных на действительную службу, платить половину оклада или жалованья». С 1 сентября 1904 г. семьям военнослужащих, призванных на войну с Японией, выдавать пособие за счет губернской земской управы. Целый год 17014 семействам (78% призванных на войну нижних чинов) на 53735 едоков ежемесячно выделялось по 1 руб. 33 коп. на каждого, для чего была взята ссуда из государственной казны в сумме 178000 руб¹.

Заботу о семьях призывников оказывали и простые трудовые люди. В конце июля 1904 г. «Пензенские губернские ведомости» сообщали о том, что рабочие и служащие писчебумажной фабрики П. В. Сергеева и хрустального завода князя А. Д. Оболенского постановили жертвовать на все время войны

¹ Пензенское губернское земство. Журнал очередной сессии 1904 г. и чрезвычайных сессий 26–28 января, 24–27 июня 1905 гг. и приложение к ним. Пенза, 1905. С. 189, 722.

на Дальнем Востоке «от 1 до 2% из своего заработка в пользу семейств тех рабочих, которые призваны на службу в войска с названной фабрики и завода»¹.

На восприятие обществом войны влияли рассказы непосредственных участников боевых действий, а так же почерпнутые из писем запасных и т.д. Практически все дошедшие до нас свидетельства говорят о том, что воинами поднималась тема постоянных отступлений. Деморализация, вызванная ими, неверие в победу, отчаянье и прочее должны были передаться и гражданскому населению.

Русско-японская война ухудшила хозяйственное положение Пензенской губернии, которое и без того было подорвано кризисом 1900-1904 гг. В печати говорилось о застое в делах, трудностях получить кредит. Мобилизация людей и лошадей приводила в расстройство крестьянское хозяйство, понижало его платежеспособность. По мере затягивания войны усиливалось недовольство всего населения, этому способствовало, во-первых, ухудшение экономического положения в стране, а во-вторых, неудачи военных действий, подрывающие национальную гордость населения.

В начале XX в. крестьянство составляло основную массу населения Российской империи и являлось главным источником формирования армии. От его поведения во многом зависели состояние общества и исход войны. Отношение крестьянства к военным событиям имело своеобразные черты, проистекавшие из традиционных ментальных представлений. О. С. Поршиева, рассматривая социальное поведение крестьянства в годы Первой мировой войны, отмечала, что для крестьян было характерно средневековое понимание войны как крестового похода за землю и веру. Она указывала: «Война, не связанная с непосредственной защитой своего дома, приобретала в глазах крестьянства положительный смысл лишь в том случае, если ее

¹ Пензенские губернские ведомости. 1904. № 207.

результатом должно было стать приращение пригодной для обработки земли»¹

Антивоенные настроения охватывали все более широкие слои населения. Крестьянин с. Евлашева Саранского уезда А. Дубков в разговоре о войне заявил: «Нашему государю следовало бы за это рыло побить, чтоб он не захватывал чужую землю».

Повсеместно в Пензенской губернии вспыхивали бунты запасных. Так, 2 июня 1904 года вспыхнул бунт запасных в Городище, которые разбили две лавки и захватили хлеб. Для усмирения запасных уездные власти потребовали из Пензы две роты солдат. Незадолго до революции 1905-1907 гг. в Пензе было расстреляно за демонстрацию несколько запасных².

Для русского общества в целом, русского народа, лишенных возможности участвовать в политической жизни своей страны и влиять на нее, до последнего момента неосведомленных о событиях, совершавшихся на Дальнем Востоке и вызвавших войну, последняя, конечно была делом не национальным. «Какой интерес мог иметь простой мужик, которого призывали из запаса, сажали в вагон и везли в Манчжурию, к войне с Японией, название которой он слышал впервые в жизни?»³.

Пропагандистские лозунги и цели русско-японской войны были совершенно чужды сознанию народа. Они интерпретировали их, исходя из потребностей собственной повседневной жизни: «...вы запасные идите на войну, отбирать землю для Государя...»; «Его давно надо было застрелить-убить; у нас земли много, а он еще у японцев отбирает и то для дворян...»; «На черт нам Порт-Артур и нужен; только за него мы кровь проливаем, а Государь мать его ети, все куда-то лезет, все ему мало»⁴.

Подобные настроения абсолютно не соотносились с официальной пропагандой. «Японские мотивы» и пораженческие настроения в

¹ Поршнева О. С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) // Социальная история Ежегодник. М., 2000. С. 61.

² Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг., Пенза, 1955. С. 78.

³ Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. – СПб, 2005. С. 46

⁴ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7540.

высказываниях крестьянства фиксировали оценочные характеристики военного конфликта в целом, роли в нем царя, случаи идеализации противника. Из «маленькой и победоносной войны» русско-японская компания и ее итоги послужили непосредственным поводом для расшатывания основ самодержавия.

Таким образом, Русско-японская война всколыхнула не только центр, но и периферию страны. При этом в восприятии населением страны четко прослеживаются две «линии», что видно на примере Пензенской губернии. С одной стороны, война осмысливалась в народном сознании как некий долг, требующий от воинов доблести и чести на полях сражений (что продемонстрировали пензенские герои), а от гражданского населения – пожертвований на военные нужды. Характерно, что в Пензенской губернии эти жертвования собирались в течение всей войны, даже тогда, когда она стала крайне непопулярной. С другой стороны, общество оказалось явно неготовым к тем жертвам (моральным и материальным), которые война от него потребовала. Критичность в отношении ее, нежелание продолжать военные действия росли не только по мере увеличения военных неудач, но и по мере усиления экономических трудностей. Война способствовала обострению всех противоречий в стране. Общество начинает видеть врага не в военном противнике, а в самом самодержавии, показавшем свою несостоятельность в военной и внешнеполитической сферах. К экономическому кризису 1900–1904 гг. добавляется политический.

Поражение в русско-японской войне отразилось в национальном сознании россиян. Это подтверждают произведения о войне, появившиеся еще в период постоянных неудач на фронте, и особенно активно распространявшиеся после ее окончания. В них ретроспективно были запечатлены трагические и героические эпизоды войны. У россиян прочно утвердилось мнение о том, кто виноват в военной катастрофе. Это нашло отражение в сатирических стихах, сказках, баснях, шутках, пародиях, балладах. Их создателями были как известные в России литераторы, так и

анонимные авторы. В стране усиливались антимонархические настроения в России, падал авторитет верховной власти. В городах России прошли массовые демонстрации под антивоенными лозунгами, в которых участвовали рабочие, врачи, учителя, инженеры. Антивоенные настроения получили также заметное распространение среди студенчества. Все шире такие настроения проникали и в крестьянские массы.

Весь командный состав русской армии и флота стал восприниматься как одно целое (несостоятельное и бездарное), жертвы армии перестали цениться, героев чтили слишком мало (это отмечал ряд мемуаристов, в частности, участник войны полковник К. И. Дружинин в своем «Исследовании душевного состояния воинов...»).

Впрочем, по мнению К. И. Дружинина «уравнению героев и трусов» послужили еще и вскрывшиеся злоупотребления, в том числе в раздаче наград (истинные герои оказывались не у дел, а те, кто сумели «втереть глаза» начальству ходили, увешанные орденами; награждение зачастую носило случайный характер, Георгия получали легко раненые, а то и люди, вообще не бывшие в бою и т.д.)¹.

Этому же, на наш взгляд, способствовала и общая резкая смена оценок в СМИ, поскольку то, что Русско-японская война стала восприниматься обществом как позор, неизбежно «бросало тень» и на ее участников.

Таким образом, правящим кругам не удалось отвлечь народ от внутренних неурядиц. Война способствовала обострению всех противоречий в стране, привела к глубокому политическому кризису.

¹ Воробьева Э. А. Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии»). //port-arthur.ucoz.ru от 20.02.10.

Глава III. Практическое применение ВКР в образовательной организации

§ 1. Тематическое планирование

Проблематика русско-японской войны до сих пор остается спорной в ряде моментов, а потому актуальной для дальнейшего исторического анализа. Особого внимания заслуживает отношение провинциального общества к событиям 1904-1905 г.

На изучение раздела Россия в конце XIX-начале XX века. (История России XX – начала XXI века. 10 кл. : учебник / О. В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. – М.: Дрофа, 2016. – 367 с.) на уроках Истории России XX – начала XXI века отводится 15 часов. На рассмотрение темы «Государство и общество на рубеже веков» отведен 1 час (История России. 6-10 классы: рабочая программа / И. Л. Андреев, О. В. Волобуев, Л. М. Ляшенко и др. – М.: Дрофа, 2016. – 124 с.). В рамках тематики урока затрагивается вопрос русско-японской войны 1904-1905 гг. Однако события 1904-1905 гг. вызвали реакцию в российских провинциях. Исходя из этого, необходимо провести дополнительное занятие для углубления знаний по данной проблематике (рабочая программа по курсу Истории России XX века отводит 5 резервных учебных часов).

§ 2. Технологическая карта урока

Класс: 10 класс

Тема урока: Русско-японская война 1904-1905 гг. глазами общества (на примере Пензенской губернии)

Цели внеурочного мероприятия:

- **для учителя:** создать условия для мотивирования обучающихся к продолжению изучения истории России; возрастания интереса к истории родного края.

- для учащихся:

- 1) формирование представлений о причинах и предпосылках русско-японской войны 1904-1905 гг.;
- 2) понимание особенностей протекания военных событий 1904-1905 гг.;
- 3) понимание последствий русско-японской войны;
- 4) формирование представлений о настроениях внутри российского социума накануне и во время военных событий.

Задачи урока:

- 1) Продолжить формирование умений работать с разными источниками информации, сравнивать, делать выводы, составлять рассказ;
- 2) Способствовать формированию аналитического мышления;
- 3) Формировать уважительное отношение к историческому наследию;
- 4) Формировать умения применять общетеоретические знания на практике;
- 5) Повышение уровня гражданской сознательности.

Планируемые результаты:

Предметные УУД: характеризовать причины русско-японской войны, планы сторон; рассказывать о ходе боевых действий, об условиях Портсмутского мира; раскрывать причины, по которым война не пользовалась популярностью в русском обществе; объяснять причины поражения России в войне; рассказать о реакции общественности на военные события; изучить влияние войны на социально-политическое развитие Российской империи.

Метапредметные УУД: определять последовательность промежуточных целей с учетом конечного результата; анализировать, сравнивать, классифицировать и обобщать факты и явления.

Личностные УУД: системно оценивать исторические события и явления, формирование навыков анализа, индивидуального и коллективного проектирования.

Формы работы: фронтальная беседа, индивидуальная работа.

Технологии: технология критического мышления, элементы технологии проблемного обучения.

Оборудование: пакет с рабочим материалом для индивидуальной работы; проектор; мультимедийная презентация; карта «Русско-японская война 1904-1905 гг.»; доска, мел.

План урока:

№ п/п	Этап урока	Время (мин.)
1	Организационный этап	5
2	Целеполагание	7
3	Информационный этап	20-25
4	Рефлексивный этап	5-7

Этап внеурочного мероприятия	Деятельность учителя	Деятельность учащегося					
		Познавательная		Коммуникативная		Регулятивная	
		Осуществляемые действия	Формируемые способы деятельности	Осуществляемые действия	Формируемые способы деятельности	Осуществляемые действия	Формируемые способы деятельности

			сти		ости		сти
Организац ионный этап (5 мин.) Цель этапа: создание рабочей обстановки	Приветств ие Раздаются индивиду альные задания по карточкам					Взаимоде йствуют с учителем	Прогнози рование своей деятельно сти
Целеполаг ание (7 мин.) Цель этапа: определени е темы мероприят ия и постановка цели занятия	Предлагае т совместно с обучающ имися составить таблицу «Внешняя политика России накануне русско- японской войны» <i>(Приложе ние 1)</i> Просит выдвинут ь предпо ложение о теме предстоя щего урока Показыва	Актуализ ируют ранее пройденн ый материал. Составля ют таблицу совместн о с учителем Предлага ют возможны е варианты темы мероприят ия.	Сравнива ть явления Выделять главную информац ию. Осущест влять актуализа цию личного жизненно го опыта. Выдвигат ь идею и	Взаимоде йствуют с учителем во время беседы.	Слушать собеседн ика; строить понятны е для собеседн ика высказы вания Слушать и корректи ровать собеседн ика.	Отделяют известное от неизвестн ого в знаниях. Дополняю т и уточняют ответы учащихся.	Принима ть и сохранять учебную задачу. Уметь слушать в соответст вии с целевой установко й. Проектир овать и формулир

	<p>ет слайд с темой урока.</p> <p>Просит учащимся составить план работы в соответствии с темой.</p> <p>Выводит план урока на экран:</p> <p>1. Россия накануне событий 1904-1905 гг.</p> <p>2. Ключевые этапы русско-японской войны 1904-1905 гг.</p> <p>А) Отношение российского общества к войне</p> <p>Б) Оппозиционное движение на примере</p>	Идет мозговой штурм: предлагают планы учебного занятия.	обосновать её.			<p>овать учебную цель.</p> <p>Дополняют и уточняют высказанные мнения по существу поставленного задания.</p>
--	---	---	----------------	--	--	--

	<p>Пензенск ой губернии</p> <p>В) Русско- японская война в освещени и периодич еских изданий Пензенск ой губернии</p> <p>3. Итоги военных событий и влияние войны на социально - политичес кую стабильно сть российско го общества</p>						
<p>Основная часть (20-25 мин.)</p> <p>Индивиду альная работа</p> <p>Цель этапа:</p>	<p>Оснащает обучающ ихся необходи мым раздаточн ым материало м (Приложе ние 2)</p> <p>Рассказыв</p>	<p>Анализиру ют раздаточн ый материал.</p> <p>Отвечают на</p>	<p>Осознанны о строят речевое высказыв ание в устной форме; аргумент ируют свою точку зрения.</p>	<p>Участвую т в коллектив ном обсуждени и.</p>	<p>Строить грамотн ые суждени я.</p> <p>Понимат ь на слух ответы учащихс я.</p>	<p>Отделяют известное от неизвестн ого в знаниях.</p>	<p>Уметь слушать в соответст вии с целевой установко й.</p> <p>Уметь отвечать в соответст вии с поставлен</p>

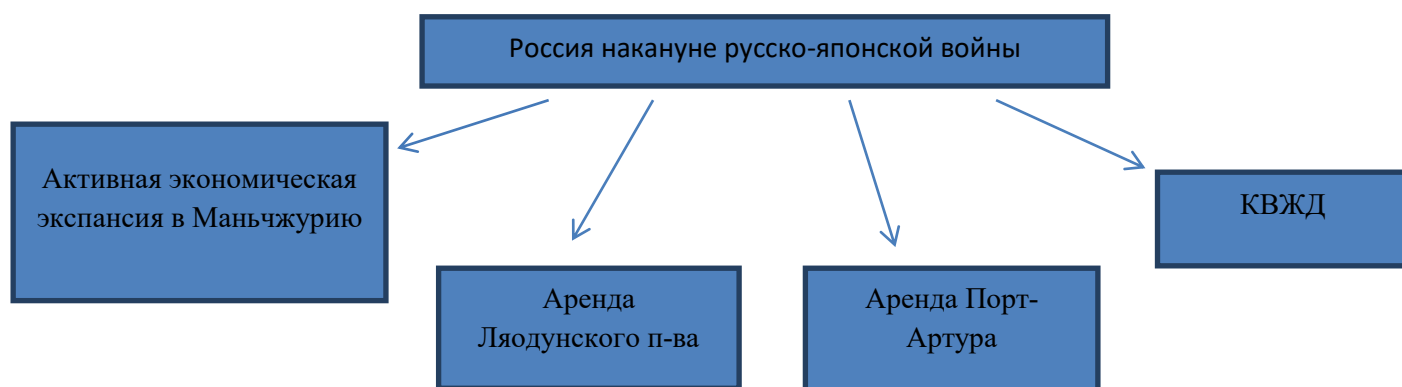
осмыслени е и систематиз ация материала	ает о русско- японской войне, применя метод эвристиче ской беседы. Акцентир ует внимание на состоянии Пензенск ой губернии в годы войны и реакции провинци ального общества. Используй ет карту «Русско- японская война 1904-1905 гг.» <i>(Приложе ние 3)</i> Фиксируе т на доске основные выводы, сделанн е обучающ имися.	вопросы учителя по ходу рассказа. Оценива ют позиции одноклас сников с точки зрения личного опыта. Слушают выступле ния одноклас сников. Заполняю т карточки с заданиям и	Совершен ствуют умение выделять главное и четко формулир овать суждения.			Самостоя тельно заполняют карточки	ной задачей. Самоконт роль осущест вляемых действий.
---	---	--	--	--	--	---	--

Рефлексия (5-7 мин.) Цель этапа: самооценка обучающи мися своей деятельнос ти во внеурочно м мероприят ии	Предлагае т составить синквейн по теме внеурочн ого мероприя тия <i>1 строчка</i> <i>— тема</i> <i>синквейна</i> <i>,</i> <i>выражен</i> <i>ная в 1</i> <i>слове</i> <i>(название</i> <i>объекта,</i> <i>про</i> <i>который</i> <i>и пойдет</i> <i>далее</i> <i>речь);</i> <i>2 строчка</i> <i>— 2</i> <i>прилагат</i> <i>ельных,</i> <i>описываю</i> <i>щий</i> <i>объект.</i> <i>3 строчка</i> <i>— 3</i> <i>глагола,</i> <i>описываю</i> <i>щие</i> <i>тему;</i> <i>4 строчка</i> <i>—</i> <i>предложе</i> <i>ние по</i> <i>теме</i> <i>мероприя</i> <i>тия</i>	Проверяю т усвоение темы, обменива ясь составлен ными синквейн ами.			Позитив но относить ся к процессу общения и оценива ния.	Проводят взаимоко нтроль.	Выделени е учащимис я того, что уже усвоено.
---	--	--	--	--	--	---------------------------------	---

--	--	--	--	--	--	--	--

Приложения

Приложение 1. Схема «Внешняя политика России накануне русско-японской войны»

Приложение 2. Задания по карточкам

Задание 1. Заполните таблицу:

Причины и предпосылки русско-японской войны	
---	--

Хронология событий 1904-1905 гг.	
Итоги войны	

Задание 2.

Расставить следующие события в хронологической последовательности с указанием даты:

1. Цусимское сражение (14-15 мая 1905 г.)
2. Осада Порт – Артура (май 1904 г.)
3. Подписание Портсмутского мирного договора (23 августа 1905 г.)

Ответ: 2,1,3

Задание 3. Подчеркните событие, выпадающие из общего логического ряда. Свой ответ аргументируйте: Гибель крейсера «Варяг», оборона Порт – Артура, Брусиловский прорыв, сражение под Ляояном _____

Задание 4. Условия Портсмутского мира предусматривали отдать часть Южного Сахалина, ограничение российских морских войск на Дальнем Востоке, отдать Порт – Артур ... (продолжите). _____

Задание 5. Как трансформировались взгляды российского социума на русско-японскую 1904-1905

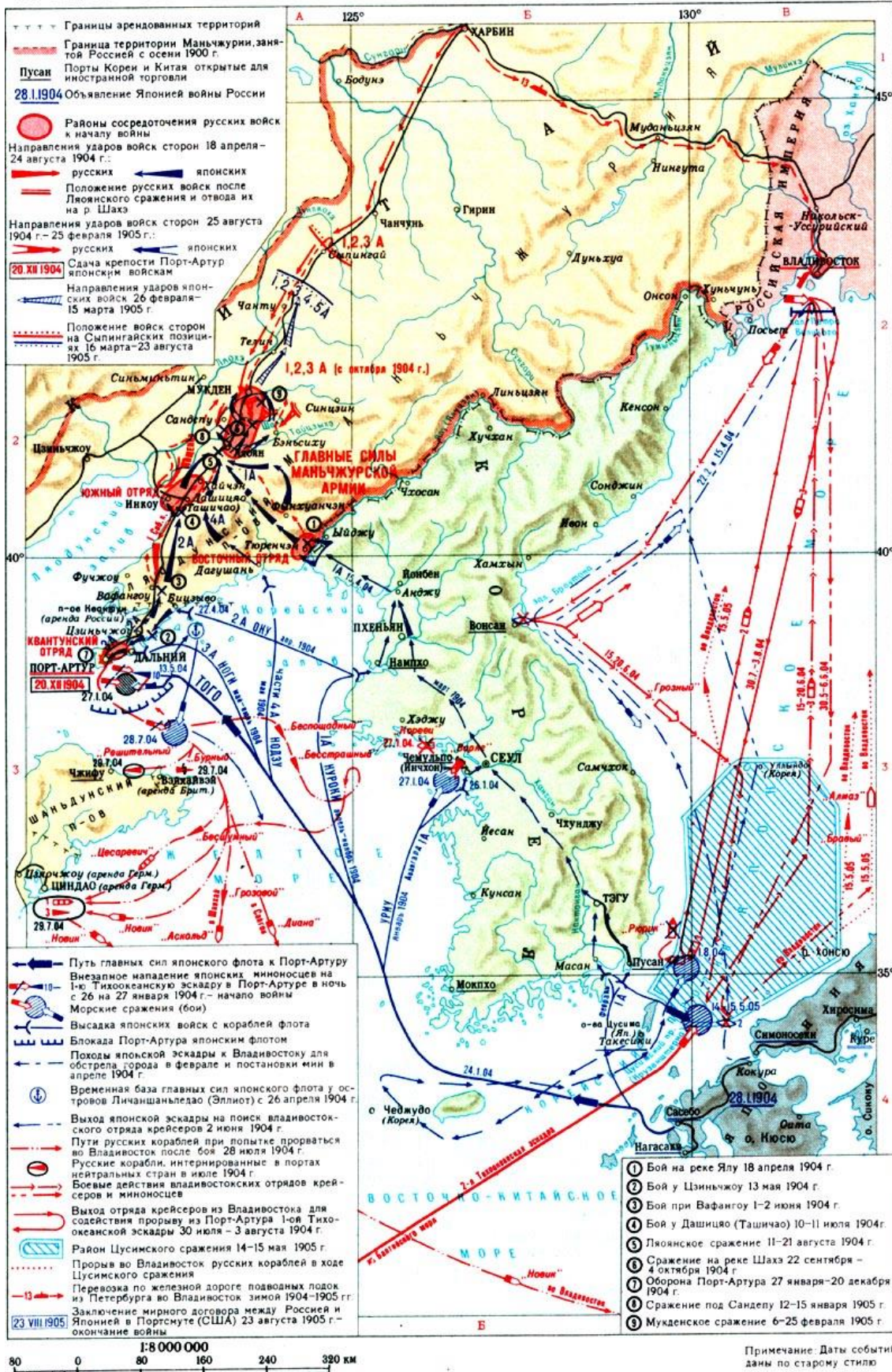
гг. _____

Задание 6. Составьте синквейн по теме «Русско-японская война 1904-1905

гг.» _____

Приложение 3.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 гг.

Заключение

Начало XX в. ознаменовалось обострением противоречий в дальневосточном регионе. Россия и Япония, движимые жаждой новых территорий, развязали войну. Среди причин, подтолкнувших Россию к военным действиям, была и внутрисполитическая ситуация. Война виделась средством ослабления революционного движения и укрепления престижа самодержавия. Сущность такой политики правительства выразил министр внутренних дел В. К. Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась одной из ключевых точек российской истории. Особенно интересны те изменения, которые она внесла в общественное сознание России. Для начала XX века в целом было характерно резкое усиление роли прессы как средства идеологического воздействия, как инструмента формирования, а во многом и проявления общественного мнения. Данная тенденция была осмыслена как обществом, так и правящими кругами – и получила свое развитие именно в период изучаемого конфликта, когда впервые была предпринята крупномасштабная попытка сознательного формирования общественного мнения в нужном для «верхов» ключе.

При этом PR войны не был однозначным «произведением» правительства. «Позитивный» подход в освещении конфликта соответствовал не только позиции правящих кругов, желавших явить обществу «маленькую победоносную войну», но и настроениям в самом обществе, настроенном на легкую и быструю победу над «варварской» Японией. В итоге первоначальный отклик общества на войну – это «ура-патриотизм», негодование на врага, желание как можно быстрее его разгромить. Антияпонские, «ура-патриотические» мотивы с началом войны активно зазвучали со страниц газет, они же демонстрировались в ходе многочисленных манифестаций, демонстраций, вокально-литературных вечеров, адресов и т.д. Примером первоначального отношения к войне может

служить и мобилизация. Она протекала спокойно и «сочувственно», в ряде мест отмечалось большое количество добровольцев.

Усилия правительства по формированию общественного мнения в милитаристском духе не были безрезультатными. Поданная в «идеологически выдержанном» ключе информация способствовала тому, что общество даже после неудач и отступлений продолжало оставаться в плену иллюзий относительно русской армии и флота и ее военачальников. Однако общая стратегия изображения войны исключительно в «розовом цвете» оказалась для правительства губительной – когда масштабы поражений и разгрома оказалось невозможно уже более скрывать (падение Порт-Артура), общество впало в состояние шока, полностью утратив и доверие к правящим кругам, и само желание и готовность продолжать войну.

Данная тенденция усиливалась еще и тем, что война принесла населению страны реальные трудности. С весны 1905 г. осознание того, что война означает экономическую катастрофу для страны, стало главным аргументом за ее прекращение, и активно использовалось прессой в идеологической борьбе

Произошло и общее «полевение» СМИ: практически все издания, кроме откровенно монархических, стали выступать за немедленное прекращение войны и проведение внутренних реформ. В качестве главного виновника тяжелых поражений России пресса называла существующий государственный строй – «образ врага» сместился с Японии и японцев на русское самодержавие. Таким образом, Русско-японская война наглядно продемонстрировала, как и за счет чего, власть может потерять «кредит доверия» со стороны общества.

На примере Пензенской губернии можно проследить, как видоизменялись взгляды общества на войну и власть. Анализ источников показал, что отношение провинциального общества к войне выразилось в различных формах: в городах прошли патриотические манифестации, были отслужены молебны о даровании победы русскому воинству, оживилась

культурная жизнь, на имя императора стали поступать адреса с изъявлением верноподданнических чувств, в благотворительные организации хлынул поток денежных и вещественных пожертвований.

Отношение общества к Русско-японской войне изменялось и прошло три этапа: 1) январь - март 1904 г. – патриотический подъем; 2) апрель 1904 г. – май 1905 г. – нарастание негативного отношения к войне; 3) июнь – август 1905 г. – открытое осуждение различных социальных слоев войны и власти. В основу периодизации были положены данные о динамике таких форм проявления патриотических чувств, которые наблюдались в течение всей войны: проведение культурных мероприятий с целью сбора средств на военные нужды, служение молебнов о даровании победы, отправление адресов с выражением верноподданнических чувств и денежные пожертвования на Красный Крест. С другой стороны, учитывались и другие факты, свидетельствующие об изменении отношения населения к войне. К ним относятся нежелание идти на фронт, активизация земского движения, нарастание стачечной борьбы, учащение противоправительственных высказываний и др. Тем не менее, вплоть до мая 1905 г. основная масса населения активно участвовала в патриотическом движении и достаточно благосклонно относилась к ведению войны.

Изначально для населения были непонятны цели войны с Японией, поэтому правительству пришлось усиленно заниматься пропагандой. Но позорный ход войны «раскрыл глаза» населению, показал, что главный враг России – самодержавие. Решающими событиями, определившими выступление провинциального общества против войны, стали мобилизация осенью 1904 г. и начало Первой русской революции.

Таким образом, к 1905 году в российском провинциальном обществе, как и во всей России, до предела обострился целый комплекс противоречий, приведший к началу Первой русской революции.

Результаты исследования взаимоотношения власти и общества в годы русско-японской войны позволяют выделить некоторые исторические уроки:

– методы решения внутренних проблем государства за счет локальных конфликтов не всегда оправдывают себя и могут привести к обострению политической ситуации в стране;

– своевременная реакция власти на общественные настроения является важным условием консолидации и сплочения общества, прогрессивного развития государства;

– выстраивание конструктивного диалога власти и общества должно происходить на основе компромисса. Только в этом случае возможно определение оптимального пути развития страны.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Пензенское губернское земство. Журнал очередной сессии 1904 г. и чрезвычайных сессий 26–28 января, 24–27 июня 1905 г. и приложение к ним. Пенза, 1905.
2. Пензенские губернские ведомости. 1904. №№ 27, 83, 121, 177, 179, 181, 184, 188, 189, 206, 207, 209, 213, 252, 321.

Литература

3. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980.
4. Апушкин В. А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та, 2005.
5. Бабилов И. И. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1958.
6. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.
7. Быков П. Русско-японская война, 1904–1905 гг. Действия на море. М., 1942.
8. Вержбовский В. Мокшанский полк на сопках Маньчжурии //Молодой Ленинец. 2000. № 7.
9. Водарский Л. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М.: Наука, 1972.
10. Воробьева Э. А. Основные направления формирования общественного мнения Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. //port-arthur.ucoz.ru от 20.02.10
11. Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Дооктябрьский период / Отв.ред. М. К. Мухарямов. Йошкар-Ола, 1978.

12. Воробьева Э. А. Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904-1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Манчжурской армии»)//port-arthur.ucoz.ru от 20.02.10
13. Головков Г. З. 1905–1907. Вехи обоюдного насилия власти и революции // Россия и современный мир. 2006. № 1.
14. Дружинин К. И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1910.
15. Есиков С. А. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в к. 19 – н. 20 вв. (1880-е – 1917 гг.). СПб., 2008.
16. Карнаухова Е. О. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951.
17. Зайцев В. А. Роль цензуры в освящении Русско-японской войны газетой «Казанский телеграф» (1904–1905 гг.) // Ученые записки Казанского государственного университета, т. 150, кн. 1. Гуманитарные науки. 2008. //port-arthur.ucoz.ru.
18. История русско-японской войны / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
19. Кабытов П. С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века. Куйбышев, 1988.
20. Кабытов П. С. Классовая борьба в Поволжской деревне в период империализма (1900 – февраль 1917 гг.). Куйбышев. 1986.
21. Касимов А. С. Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895 – февраль 1917 г.). Пенза. 1993.
22. Куланов А. Русско-японская война как фактор формирования имиджа Японии в России // <http://leit.ru>, от 19.10.10
23. Кузьмин А. Крестьянское движение в Пензенский губернии в 1905–1907 гг., Пенза. 1955.
24. Культура, быт и материальное благосостояние рабочих Поволжья второй половины. XIX – XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов / Пенз. гос. ун-т. им. В. Г. Белинского; Отв. ред. Н. А. Шарошкин Пенза, 1996.

25. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: итоги войны. СПб., 2002.
26. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. Сб. док. М., 1959
27. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989.
28. Ломшин В. А. Русско-японская война и мордовский край в 1904–1905 гг. // Центр и периферия. 2010. № 3.
29. Пензенский край 17 в. – 1917 г. Саратов: Приволж. кн. изд-во, Пенз. отделение. 1980.
30. Перов В. В. Когда же закончится война?: Из дневника офицера-интенданта, 29 июля-31 дек. 1904 г. // Земство. 1995. № 1.
31. Петров С. Пенза: краткий исторический очерк / Под. ред. М. В. Савина. Пенза. 1955.
32. Позднеев Д. М. Япония: военно-экономическое описание. М., 1924
33. Поршнева О. С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) // Социальная история Ежегодник. М., 2000.
34. Революционная борьба трудящихся Пензенской области в 1905 – 1907 гг. // Сб. документов. Сост. Федоров И. С., Самойлов Е. Г. Пенза. 1955.
35. Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. (По материалам Поволжья). Самара. 1994.
36. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
37. Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997.
38. Сидоров А. Л. Русско-японская война. М., 1951.
39. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987.
40. Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: социально-экономическое исследование / Отв. рук. З. И. Гильманов. М.: Наука, 1984.

41. Социально-экономическая история российской деревни к.19 – н.20 вв.: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. Г. Тюкавкин. М., 1980.
42. Тютюкин С. В. Первая революция в России: взгляд через столетие // Отечественная история. 2004. № 6.
43. Уткин А. И. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005.
44. Участие мордвы в русско-японской войне // Портал православной молодежи Мордовии // <http://cpmm.ru>. от 20.10.10
45. Фролов В. В. Отношение мирового сообщества к русско-японской войне 1904–1905 гг. по данным военного журнала «Летопись войны с Японией» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. – С. 266–270. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/65124.htm>.
46. Хвостова Л.А. Русско-японский конфликт (1904-1905): краткая характеристика отечественной историографии проблемы // Научный альманах. 2015. №10-4 (12). С. 293-296.
47. Шушкевич Ю. А. Восточный шанс. Русско-японская война 1904-1905 гг. в ретроспективе исторического выбора. М., 2005.
48. Ярославский Е. М. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939.